

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Фитонимы и зоонимы в литовских и латышских фразеологизмах

основная образовательная программа бакалавриат по направлению подготовки
45.03.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Иностранные языки»
Профиль «Литовский язык»

очной форму обучения
Пономарева Мария Александровна

Научный руководитель;
к.ф.н., доц. Казанскене В. П.

Рецензент:
д.ф.н., проф. Генюшене Э. Ш.

Санкт-Петербург

2018

Защита состоялась « » 20 г.

Оценка

Члены комиссии:

Содержание

Содержание	3
Введение	5
Глава 1.....	8
1.1. Фитонимы и зоонимы как единицы лексикона	8
1.2. Фразеологические единицы как объект исследования	9
Глава 2. Фитонимы.....	12
2.1. Травы	12
2.1.1. Культивируемые травы	12
2.1.2. Некультивируемые травы.....	31
2.2. Деревья, кустарники	43
2.2.1. Культивируемые	43
2.2.2. Некультивируемые	49
2.3. Выводы к Главе 2	53
Глава 3. Зоонимы.....	55
3.1. Звери	55
3.1.1. Домашние	55
3.1.2.Дикие	69
3.2. Вывод к Главе 3.....	79
Заключение	80
Литература.....	82
Источники	82
Научная литература	82

Приложение	85
------------------	----

Введение

Данная дипломная работа посвящена исследованию литовских и латышских фразеологизмов, в состав которых в качестве одного из компонентов входит либо слово-название животного (зооним), либо растения (фитоним).

По мнению исследователей, фразеологическая система любого языка является носителем культурных мировоззренческих концептов народа, представляющих сложные понятия в виде образов [Солодуб 2002], [Мокиенко 1980]. Каждый из них несёт в себе этнокультурную информацию, оценку явлений жизни, характеризует национальные черты этноса, воплощает свою интерпретацию живого существа [Цит. по Eigirdienė 2016: 148]. Таким образом, сопоставительные исследования представляются нам актуальными, а их результаты способны отразить универсальное и специфическое в языковом отражении мира, характерном для литовского и латышского языков.

В литовском языке фразеологические единицы (далее — ФЕ) рассматриваются с точки зрения отношения фразеологизмов к другим единицам языка, с точки зрения их структуры, особенностей семантики, отношений единиц внутри фразеологизма. Одной из первых попыток систематизировать основные фразеологизмы литовского языка с точки зрения их значения бала предпринята Й. Паулаускасом [Paulauskas 1995]. Автор выстраивает схему и делит 9000 ФЕ на 10 разделов, которые позже дробит на 50 подразделов, которые, в свою очередь — на 346 групп. Они охватывают такие лексико-тематические группы, как: движение, пространство, время, отношения, названия (материалов, особенностей, живой и неживой природы, человека и т.д.), явления. [Eigirdienė 2016: 11]

С точки зрения особенностей употребления фразеологизмы рассматривает Г. Росинене [Rosinienė 1990]. Автор анализирует

семантическую структуру зооморфизмов, диапазон их использования и устанавливает ряд иерархических ассоциаций [Eigirdienė 2016: 11-12].

О метафоричности фразеологизмов пишет А. Гудавичюс [Gudavičius 2000], шире о ней пишет Й. Липскене: автор анализирует ФЕ, описывающие эмоции человека, и уделяет особое внимание фразеологическим синонимам [Lipskienė 1979, Eigirdienė 2016: 12].

Говоря о латышской фразеологии, следует упомянуть Словарь латышских фразеологизмов [LFV], который стал одним из основных источников исследования наряду со словарём литовских фразеологизмов [FŽ]. Выборка материала производится методом сплошного отбора в соответствии с **предметом** исследования, а именно нас интересуют фразеологизмы с компонентами-зоонимами и компонентами-фитонимами. Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

1) рассмотрение литовских и латышских фразеологизмов с фитонимами и зоонимами. Например:

(1) лит. *Vaikai, veizėkit, zuikiai jau pyragus kepa*. ‘Дети, смотрите, **зайцы** уже **пироги** пекут (=уже **поднимается туман**)’ [FŽ: с. 851]

(2) лит. *Karvė graži kaip slyva*. ‘Корова красивая **как слива**.’ [FŽ: с. 851]

(3) лат. ...*Cilvēks ar kaķa acīm*. ‘Человек с **кошачьими глазами** (= с **хорошим зрением**).’ [LFV: с. 494]

(4) лат. ...*Un meitene bija kā plūme*. ‘И девушка была **как слива** (= **полная**).’ [LFV: с. 958]

2) выявление коннотативных значений фитонимов и зоонимов;

3) выявление универсального и специфического в языковой картине мира, характерной для литовского и латышского языков.

В работе планируется использовать следующие **методы**:

1) метод сплошного отбора для составления выборки материала;

2) сопоставительный метод;

3) описательный метод.

Новым в работе является рассмотрение литовских фразеологизмов с флористическими и фаунистическими компонентами в сопоставлении с латышскими с целью выявления скрытых коннотаций.

Выводы и наблюдения, сделанные в ходе исследования, могут стать основой для дальнейшего, более глубокого изучения данного вопроса с точки зрения структуры фразеологизмов и других особенностей рассмотренных фитонимов и зоонимов.

Глава 1.

1.1. Фитонимы и зоонимы как единицы лексикона

Под зоонимами исследователи понимают лексические единицы, которые являются прямыми наименованиями животных [Каменская 2007: с. 89]. В некоторых источниках зоонимы рассматриваются только как имена собственные, клички животных [Подольская 1978: с. 58], однако в данной работе мы будем придерживаться более широкого понимания данного термина [Солнцева 2004; Телия 1988, 1996; Москаленко 2015]. Зоологическая лексика составляет значительный пласт словарного состава языка. «Её история уходит в глубокую древность, к тем эпохам эволюции человечества, когда анимализм был основой мировоззрения.» [Москаленко 2015: с. 13]. Зоонимы демонстрируют те наблюдения человека за видом и поведением животных, которые он вёл на протяжении многих веков, передают отношение людей к конкретным животным и их восприятие, доносят информацию: как о биологических чертах животного, так и чертах, которыми наделяет его наблюдающий на основе своего опыта. В пользу этого говорит тот факт, что в разных языках названия одних и тех же животных могут функционировать по-разному, что будет далее отражено в этой работе на основе сопоставления литовского и латышского языка. Животное было для людей не только источником питания и одежды, но и мерилom многих человеческих качеств— как физических, так и моральных [Мокиенко 2005: с. 108]. Благодаря этнографии известно, что человек умел ещё в древности был способен из совокупности поведенческих характеристик конкретного животного выбрать наиболее подходящие для его целей, и на их основе в его сознании конструировался символ, соответствующий его представлению. [Бабушкин 1994: с. 90].

В отношении наименований животных различные исследователи употребляют различные термины, такие как: зоосемизм [Лясота 1984: с. 3], анимализм [Козлова 2003: с. 14], фаунистический компонент [Гишкаева 2012].

В данном исследовании, как уже было упомянуто, будет использован термин зооним в широком его значении.

Говоря о фитонимах, необходимо отметить ту же двойкость термина. Некоторые исследователи рассматривают фитонимы только как собственное имя любого растения, например *Лесная Гостиница* (тополь с трёхъярусным дуплом) [Подольская 1978: с. 158]. Однако в рамках конкретной работы мы будем рассматривать термин фитоним в широком его значении [Гишкаева 2014; Варбот, Журавлев 1998], то есть как название растения в принципе, например, *ель*, *сосна*. Фитонимы, как и зоонимы, выполняют в языке не только номинативную функцию, но также экспрессивную и оценочную. Растения, как и животные, сопровождают человека на протяжении всего его существования как вида, и человек склонен подмечать их свойства, особенности, способы использования, а на основе своих наблюдений создавать в сознании образ.

1.2. Фразеологические единицы как объект исследования

Б. А. Ларин определяет фразеологические сочетания «как тесные единства из нескольких слов, выражающие целостное представление. Они разложимы лишь этимологически, т. е. вне системы современного языка, в историческом плане» [Ларин 1977: с. 125]. Он выделяет три группы, а за основу классификации берёт «исторический принцип становления идиом, постепенного накопления идиоматичности в развитии от текущих словосочетаний к неразложимым»:

- 1) переменные словосочетания («с минимальной степенью идиоматичности, находящиеся как бы на периферии подлинно фразеологических соединений, не имеющие своих характерных и показательных примет.» [Ларин 1977: с. 147]);
- 2) метафорические словосочетания (они характеризуются «наличием стереотипности, традиционности и метафорического переосмысления, отхода от первоначального значения, иносказательным применением» [Ларин 1977: с. 147]);

- 3) идиомы («от метафорических словосочетаний идиомы отличаются более деформированным, сокращенным, далеким от первоначального составом (лексическим и грамматическим) и заметным ослаблением той семантической членораздельности» [Ларин 1977: с. 147];

Копыленко, Попова не берут за основу исторический принцип, но подчёркивают, что считают объектом фразеологии сочетаемость лексем всех типов [Копыленко, Попова, 1978: с. 20].

Cowie определяет ФЕ как «номинация, определяющая явление, предмет, процесс или состояние, собственность или отношения». По его мнению, таким образом ФЕ соотносятся с существительными, глаголами, прилагательными и наречиями. Исследователь так же подчёркивает, что к ФЕ не относятся технические термины, сами по себе различные онимы (или словосочетания, которые выступают как названия), клише и т. д. [Cowie 1998: с. 127].

В. Н. Телия основными признаками ФЕ считает семантическую нечленимость, т. е. невыводимость общего значения из суммы значений компонентов, воспроизводимость, которая проявляется в абсолютной или относительной воспроизводимости словосочетаний, номинативную функцию [Телия 1996: с 56 – 58].

Отдельно следует подчеркнуть, что часть исследователей относят пословицы и поговорки к ФЕ [Шанский 1972: с. 196-198], другие — нет [Виноградов 1977].

Исходя из описанного выше, кажется обоснованным исключить из материала исследования:

- 1) пословицы и поговорки;
- 2) словосочетания, которые дают другое название уже существующим растениям или животным: *zuikio rūta* ‘заячья рута’ — *vaistinė žvirbliarūtė* ‘дымянка лекарственная’;
- 3) названия игр.

Таким образом, основываясь на классификации Б. А. Ларин и исследованиях других лингвистов, мы определили объём исследуемого материала, который будет подробно рассмотрен в следующих главах

Глава 2. Фитонимы

Представляется необходимым разделить фитонимы на лексико-семантические группы. За основу распределения мы берём классификацию Н. Ю. Шведовой [Шведова 2002: с. 514]. и оппозицию культивируемые/некультивируемые. Получившаяся ступенчатая иерархия должна выглядеть таким образом:

1. Травы;
 - 1.1 Культивируемые;
 - 1.1.1 зерновые культуры;
 - 1.1.2 корнеплоды и клубнеплоды;
 - 1.1.3 овощные культуры;
 - 1.1.4 бобовые;
 - 1.1.5 бахчевые культуры;
 - 1.1.6 дающие волокно;
 - 1.1.7 декоративные растения;
 - 1.2 Некультивируемые;
2. Деревья;
 - 2.1 Культивируемые;
 - 2.2 Некультивируемые;

2.1. Травы

2.1.1. Культивируемые травы

К лексико-семантической группе «зерновые культуры» относятся следующие компоненты-фитонимы, входящие в состав фразеологизмов: *aviža* ‘овёс’, *gričiai* ‘гречиха, гречка’, *miežiai* ‘ячмень’ и *rugiai* ‘рожь’ для литовского языка и *auzas* ‘овёс’ и *miezis* ‘ячмень’ для латышского языка.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом *aviža* ‘овёс’ в литовском языке (17 фразеологических единиц) и компонентом *auzas* ‘овёс’ в латышском языке соответственно (3 фразеологических единицы), выделяем следующие особенности семантики:

1) Характерные для обоих языков.

Как в литовском, так и в латышском языке образ овса связан с работой, побуждением к работе: лит. *ilgos avižos* ‘длинный овёс’ и эквивалентный латышский фразеологизм *garās auzas*. В первом случае значение фразеологизма объясняется как «*varymas dirbti*» ‘побуждение к работе’, а во втором — как «*pātaga*» ‘кнут’. Опираясь на латышские примеры, приведенные в словаре [LFV: с. 114], можно сделать вывод, что в данном случае речь идёт о переносе значения по функции и семантический фокус фразеологизма по-прежнему приходится на побуждение к работе:

(3)...*Sadosi garās auzas, vilks, kamēr garu izlaidīs*. ‘Ударишь кнутом — потащит, пока дух не испустит’

И в литовских, и в латышских фразеологизмах распространено представление об овсе как о корме для коня: лит. *avižos bado* ‘’ — *apie gerai nušertą arklių* ‘о хорошо откормленном коне’, лат. *auzu motors* ‘мотор на овсе’ — *braucamais zirgs* ‘ездовой конь’, лат. *skatās kā zirgs pēc auzām*¹ ‘смотрит как конь на овёс’ *saka, ja kāds pēc kā ļoti kāro* ‘говорят, если кто-то чего-то очень хочет’. Следует отдельно выделить фразеологизм *auzu motors* ‘мотор на овсе’: в его основе лежит метафорический перенос значения слова *motors* ‘мотор’, а лексема *auzas* ‘овёс’ выступает в качестве спецификатора.

2) Характерные для литовского языка.

¹ ФЕ, построенные по такой модели, широко распространены как в литовском, так и в латышском языках и отличаются широким варьированием именных компонентов при сохранении семантики.

В четырёх глагольных ФЕ, имеющих общую структуру (*su*) *avižomis* + глагол, фитоним *aviža* ‘овёс’ указывает на неспособность к чему-либо, не обусловленную физическими недостатками: *su avižomis klausyti* ‘овсом слушать’ — *sakoma apie neišgirdusį* ‘говорят о плохо слышащем’, *su avižomis veizėti* ‘овсом смотреть’ — *sakoma apie neprimatantį* ‘говорят о плохо видящем, незаметившем’. Следует отметить, что в данном случае ФЕ имеют отрицательную коннотацию.

Фразеологизмы с компонентом *aviža* ‘овёс’, связанные с посевом (3 ФЕ), отражают идею тишины, пустоты: *avižas sėti galima* ‘овёс можно сеять’ — *tylu* ‘тихо’.

Группа фразеологизмов (2 ФЕ) характеризует редкое расположение стежков при шитье: *kaip avižomis* ‘как овсом’ — *retais dygsniais (siūta)* ‘редкими стежками (сшито)’. Таким образом, *aviža* ‘овёс’ в литовской фразеологии оценивается как нечто длинное либо редко посаженное.

Фразеологизмы с компонентами *miežiai* ‘ячмень’ и *miezis* ‘ячмень’ в литовском и латышском языке соответственно имеют следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка.

Компонент *miežiai* ‘ячмень’ входит в состав двух фразеологизмов. Фразеологизм *miežių kraujas* ‘ячменная кровь’ со значением *alus* ‘пиво’ относится к группе ФЕ с общей моделью (название злака + *kraujas* ‘кровь’ = напиток, который изготавливается из названного злака). Таким образом, компонент *miežiai* ‘ячмень’ получает признак по функции — основа для пива.

2) Характерные для латышского языка

Компонент *miezis* ‘ячмень’ входит в состав двух фразеологизмов. Семантический фокус глагольного фразеологизма *malt vienu miezi* ‘молоть один ячмень’ со значением *atkārtoti runāt vienu un to pašu* ‘повторять одно и то же’ определяется лексемой *viens* ‘один’. Фразеологизм *kā mieža grauds acī* ‘как

ячменное зерно в глазу’ со значением *kaut kas nepatīkams, traucējošs* ‘что-то неприятное, беспокоящее’ определяет компонент *miežis* ‘ячмень’ как твёрдое, острое и характеризуется возможностью варьирования именного компонента, например: *kā skabarga acī* ‘как заноза в глазу’, *kā dadzis acī* ‘как чертополох, репей в глазу’.

В литовском языке три фразеологических единицы с компонентом *grikis* ‘гречиха, гречка’, тогда как в латышском он не представлен. Фразеологизм *kaip perkūno griķiai* ‘как громовая гречка’ со значением *apie tenkai želiantī* ‘о плохо растущем’ допускает варьирование именного компонента сохранением семантики: *kaip perkūno rugeliai*. Фразеологизм *kaip velnio griķiai* ‘как чёртова гречка’, который используется для описания редко растущих волос (*sakoma apie retus plaukus* ‘говорят о редких волосах’), имеет сходное значение, но варьирования не обнаруживается.

Наиболее полно представлены фразеологизмы с компонентом *rugiai* ‘рожь’, насчитывается 21 фразеологическая единица. По семантике их можно условно разделить на несколько групп:

- a. рожь как то, из чего изготавливается водка (6 ФЕ): *rugių kraujas* ‘ржаная кровь’ — *degtinė* ‘водка’, *rugių rasa* ‘ржаная роса’ — *degtinė* ‘водка’;
- b. рожь как маркер времени (2 ФЕ): *rugiai nebyra* ‘рожь не сыплется’ — *nėra ko skubėti* ‘нечего спешить’, *bėk ir rugius sėk* ‘беги и рожь сей’ — *viską reikia spėti atlikti* ‘всё нужно успеть сделать’;
- c. рожь как маркер усталости, рожь как причина усталости, медлительности (4 ФЕ): *kaip rugius pasėjęs* ‘как рожь посеявший’ — *lėtai (eina)* ‘медленно (идти)’, *kaip rugius pjovęs* ‘как рожь пожавший’ — *apie nuvargusį* ‘об уставшем’;
- d. рожь как прибыль (1 ФЕ): *rugiai žydi* ‘рожь цветёт’ — *geras laimikis* ‘хорошая добыча’;

Таким образом, можно сделать вывод, что лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «зерновые культуры» связаны с идеей работы и прибыли (лит. *rugiai žydi* ‘рожь цветёт’) и характеризуются как сырьё для алкогольных напитков (*rugių kraujas* ‘ржаная кровь’).

К лексико-семантической группе «корнеплоды и клубнеплоды» относятся следующие компоненты-фитонимы, входящие в состав фразеологизмов: *bulvė* ‘картофель’, *morkva* ‘морковь’, *ridikas* ‘редька’, *ropė* ‘репа’ для литовского языка и *kartupelis* ‘картофель’, *burkāns* ‘морковь’, *rutks* ‘редька’, *rācenis* ‘репа’, *biete* ‘свёкла’, *kālis* ‘брюква’ для латышского языка.

Анализируя фразеологизмы с компонентами *bulvė* ‘картофель’ и *kartupelis* ‘картофель’ в литовском (5 ФЕ) и латышском языке (1 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности семантики:

1) Характерные для литовского языка

Две именные ФЕ *kaip bulvių bobutė* ‘как картофельная бабушка’ и *kaip kepta bulvė* ‘как печёный картофель’, описывают что-то сморщенное на основании метафорического переноса (подчёркивается свойство картофеля становиться морщинистым под воздействие температуры или времени):

(4) *Surukusi kaip kepta bulvė*. ‘Сморщенная, как печёная картошка.’

Фразеологизм *bulves (nu)sunkti* ‘картофель выжимать’ является эвфемизмом и имеет семантику *šlapintis* ‘мочиться’. Общая семантическая доминанта для глаголов *sunkti* ‘выжимать’ и *šlapintis* ‘мочиться’ — выделять жидкость, на основании чего можно сделать вывод, что картофель характеризуется как источник жидкости.

2) Характерные для латышского языка

Фразеологизм *kā karstu kartupeli mutē ieņēmis* ‘как горячий картофель в рот взявший’ со значением *saka, jā kāds runā aizķerdamies un neskaidri* ‘говорят, если кто-то говорит с запинками и непонятно’ не даёт конкретной

характеристики лексеме *kartupelis* ‘картофель’, поскольку семантический фокус определяется словом *karstu* ‘горячий’.

Фразеологизмы с компонентом-фитонимом *morkva*¹ ‘морковь’ в литовском языке (1 ФЕ) и *burkāns* ‘морковь’ (1 ФЕ) в латышском языке имеют следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка

В литовском языке фразеологизм *morkvas skusti* ‘морковь чистить’ имеет значение *lipti kam ant kulnų einant iš paskos* ‘наступать кому-то на пятки, следуя по пятам’. Семантический фокус глагольного фразеологизма в данном случае определяет глагол *skusti* ‘чистить’

2) Характерные для латышского языка

Фразеологизм *kā burkāns* ‘как морковь’ в латышском языке имеет два значения: *saka, ja kāds ir ļoti nosarcis* ‘говорят о том, кто сильно покраснел’ и *saka, ja ko var viegli dabūt no zemes ārā, izraut* ‘говорят, если что-то можно легко вытащить из земли, выкопать’. В первом случае за основу метафорического переноса берётся цвет моркови, а во втором — особенность её произрастания. Таким образом, в латышском языке фитоним *burkāns* ‘морковь’ определяется как носитель яркого цвета и то, что легко достать.

Рассматривая фразеологические единицы с компонентами *ridikas* ‘редька’ и *rutks* ‘редька’ в литовском (7 ФЕ) и латышском (1 ФЕ) языках соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском, так и в латышском языке фитоним указывает на здоровье: лит. *kaip ridikas* ‘как редька’ — *apie sveiką* ‘о здоровом’, лат. *vesels*

¹ Необходимо отметить, что в фразеологизмах используется не литературная форма *morka* ‘морковь’, а диалектная *morkva*, которая впервые упоминается в словаре Сирвидаса [LKŽ].

kā rutks ‘здоровый как редька’ — *pavisam vesels, ar stipru veselību* ‘совсем здоровый, с крепким здоровьем’.

2) Характерные для литовского языка:

В литовском языке компонент *ridikas* ‘редька’ входит в ФЕ со следующими значениями:

- a. со значением «драться» (3 ФЕ): *ridiko duoti* ‘редьки давать’,
ridiką lupsti ‘редьку чистить’;
- b. со значением «ругаться» (2 ФЕ): *ridiką kelti* ‘редьку поднимать’;
- c. со значением «грязный» (1 ФЕ): *ridikus sodinti galima* ‘редьку можно сажать’ — *apie nešvarų* ‘о грязном’.

Первые две группы значений объединяет семантическая доминанта направленного на какой-либо объект негативного воздействия. Семантический фокус третьей группы определяет глагол *sodinti* ‘сажать’. Следует отметить, что фразеологизм *ridikus sodinti galima* ‘редьку сажать можно’ допускает варьирование именного компонента без изменения значения: *ropes sodinti galima* ‘репу сажать можно’ — что отсылает к лексико-семантической группе «корнеплоды и клубнеплоды», использованной в классификации, в которую входят компоненты-фитонимы *ridikas* ‘редька’ и *ropė* ‘репа’.

Рассматривая ФЕ с компонентом-фитонимом *ropė* ‘репа’ в литовском языке (18 ФЕ) и *rācenis* ‘репа’ в латышском языке (2 ФЕ), выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков.

И в литовском, и в латышском языке эквивалентные фразеологизмы лит. *ropes sodinti galima* ‘репу сажать можно’, *ropes sėti galima* ‘репу сажать можно’ и лат. *varēt sēt rāceņus* ‘можно сажать репу’ характеризуют грязь, грязное тело. Как уже было отмечено, в литовском языке ФЕ допускает

варьирование именного компонента без изменения значения, тогда как в латышском это явление не наблюдается.

2) Характерные для литовского языка.

По семантике ФЕ, в состав которых входит компонент *ropė* ‘репа’, можно условно разделить на несколько групп:

- a. репа как маркер удачи, успеха (6 ФЕ): *kepta ropė* ‘печёная репа’ — *sėkmė* ‘удача’, *ropė kepa* ‘репа печётся’ — *gerai klojasi* ‘хорошо складываются дела’, *kaip ropę graužia* ‘как репу грызёт’ — *sklandžiai, puikiai (kalba, skaito)* ‘складно, хорошо (говорит, читает)’;
- b. репа как маркер лёгкой работы (2 ФЕ): *ne ropę graužti* ‘не репу грызть’ — *sunku* ‘сложно’;
- c. репа как маркер общего действия: *vieną ropę rauti dviese* ‘одну репу копать вдвоём’ — *menką darbą kartu dirbti* ‘лёгкую работу вместе делать’;
- d. репа как маркер абсурдности ситуации (1 ФЕ): *į malūną nuvažiuoti su ropėmis* ‘на мельницу ехать с репой’ — *nusišnekėti* ‘заговариваться’.

Так же отдельно следует выделить фразеологизм *velnias sėja ropes į vagas*¹ ‘чёрт сеет репу в борозды’ со значением *labai raukšlėtas (veidas)* ‘очень морщинистое (лицо)’, в котором семантический фокус и определяет лексема *vagas* ‘борозды’ за счёт метафорического переноса.

В латышском языке 1 ФЕ с компонентом-фитонимом *biete* ‘свёкла’, тогда как в литовском языке фразеологизмах он не представлен. Фразеологизм *kā biete* ‘как свёкла’ со значением *saka, ja kāds stipri nosarkst, ir ļoti sasarcis*

¹ Интересно, что в литовском фольклоре образ чёрта тесно связан с репой: в народном творчестве чёрт — большой любитель репы, он её выращивает, печёт, строит с её помощью отношения с крестьянами [Jasiūnaitė 2011: с. 95], что нашло отражение и во фразеологизмах: 2 ФЕ содержат прямое упоминание чёрта.

‘говорят, если кто-то сильно краснеет, очень покрасневший’ характеризует компонент *biete* ‘свёкла’ как имеющий ярко-красный цвет, и, как в случае с ФЕ *kā burkāns* ‘как морковь’ за основу метафорического переноса берётся цвет.

Также в латышском языке, в отличие от литовского, представлены фразеологизмы (2 ФЕ) с компонентом *kālis* ‘брюква’. В обоих фразеологизмах голова сопоставляется с фитонимом *kālis* ‘брюква’ с целью подчеркнуть её неустойчивость к воздействию: *galva noripo kā kālis* ‘голова скатывается как брюква’ — *galva noripo ļoti viegli* ‘голова скатывается очень легко’, *pāršķelt galvu kā kāli* ‘рассечь голову как брюкву’ — *pāršķelt galvu ļoti viegli* ‘рассечь голову очень легко’. Оба фразеологизма допускают варьирование именного компонента: *galva noripo kā rācenis* ‘голова скатывается как репа’ — *galva noripo ļoti viegli* ‘голова скатывается очень легко’, *pāršķelt galvu kā rāceni* ‘рассечь голову как репу’ — *pāršķelt galvu ļoti viegli* ‘рассечь голову очень легко’.

Исходя из описанного выше, можно сделать следующие выводы: как в литовском, так и в латышском в проанализированных фразеологизмах проявляется отнесённость фитонимов к данной лексико-семантической группе, их способ произрастания, например: лит. *ropes sodinti galima* ‘репу сажать можно’ и лат. *varēt sēt rāceņus* ‘можно сажать репу’ о грязи, лат. *kā burkāns* ‘как морковь’ в значении *saka, ja ko var viegli dabūt no zemes ārā, izraut* ‘говорят, если что-то можно легко вытащить из земли, выкопать’. Метафорический перенос в латышском языке основан, по большей части, на цвете и функции, в литовском — на функции.

К лексико-семантической группе «овощные культуры» относятся такие лексемы как: *agurkas* ‘огурец’, *kopūstas* ‘капуста’, *krienas* ‘хрен’, *svogūnas* ‘лук’ — в литовском языке и лексема *kāposti* ‘капуста’ в латышском языке соответственно.

Сопоставляя фразеологизмы, в состав которых входят лексемы *kopūstas* ‘капуста’ и *kāposti* ‘капуста’ в литовском (4 ФЕ) и латышском (4 ФЕ) языках соответственно, выделяем следующие особенности.

1) Характерные для литовского языка:

- a. капуста — источник звука: два глагольных фразеологизма, где *kopūstas* ‘капуста’ является объектом действия, характеризуют храп: *rūgščiau kopūstus valgyti* ‘кислую капусту есть’;
- b. капуста как маркер глупости, необучаемости: *kaip kopūstas* ‘как капуста’ — *apie prastą galvą, sunkiai ką išmokstantį, greitai užmirštantį* ‘о плохой голове, с трудом что-то выучивающей, быстро забывающей’;
- c. капуста как ценность: *kaip ožys į kopūstus* ‘как козёл в капусту’ — *apie besibraunantį nepageidaujamai* ‘о проникнувшем нежелательно’.

2) Характерные для латышского языка:

Семантический фокус двух ФЕ с компонентом *kāposti* ‘капуста’ в большей степени определяется спецификатором: *ēst kroņa kāpostus* ‘есть казённую капусту’ — *atrasties karadienestā* ‘находиться на службе’; *bāzt degunu otra kāpostos* ‘совать нос в чужую капусту’ — *jaukties otra lietās* ‘вмешиваться в чужие дела’ (ср. *bāzt degunu* ‘совать нос’ со значением *jaukties citu darīšanās* ‘вмешиваться в чужие дела’.)

Фразеологизм *kā kāposti* ‘как капуста’ в латышском языке, в отличие от литовского, характеризует не человека, а растения и используется для описания чего-то, что хорошо растёт и что легко собирать или пожинать.

В ФЕ *putra ar kāpostiem* ‘каша с капустой’ компонент *kāposti* ‘капуста’ указывает на неуместность относительно компонента *putra* ‘каша’, таким образом фразеологизм имеет значение *juceklis spriedumos, domāšanā, dzīvē* ‘путаница в суждениях, мыслях, жизни’.

Рассматривая фразеологизмы (2 ФЕ) с компонентом-фитонимом *agurkas* ‘огурец’ в литовском языке, выделяем следующие особенности:

- a. фитоним *agurkas* ‘огурец’ указывает на сытость: *kaip agurkas* ‘как огурец’ — *sočiai(priėdęs)* ‘сытно (поевший)’;
- b. фитоним *agurkas* ‘огурец’ указывает на предмет, который не стоит того, чтобы о нём говорили: *kiek ožys apie agurkus* ‘как козёл об огурцах’ — *apie nieką kalbą* ‘о пустяках говорит’.

Фразеологизмы (2 ФЕ) с фитонимом *krienas* ‘хрен’ имеют следующие особенности:

- a. *krienas* ‘хрен’ указывает на здоровье: *kaip krienas* ‘как хрен’:
(5) *Aš buvau vaikas kaip krienas sveikas*. ‘Я был ребёнком, здоровы как хрен’ [FLŽ: с. 351]
- b. *krienas* ‘хрен’ указывает на плохой, злой характер: *kaip krienas* ‘как хрен’
(6) *Senis piktas kaip krienas*. ‘Старик злой, как хрен.’ [FŽ: с. 351]
- c. *krienas* ‘хрен’ указывает на что-то абстрактно плохое: *ir mielių ir krienų* ‘и дрожжи, и хрен’ со значением *gera ir bloga* ‘хорошее и плохое’.

Можно предположить, что в первом случае метафорический перенос основан на твёрдости как качестве корня хрена, а во втором и третьем — на вкусе.

Фразеологизмы (2 ФЕ) с фитонимом *svogūnas* ‘лук’ объединяет то, что компонент указывает на сложности, трудности: *svogūno skonį išmanyti* ‘вкус лука разуместь’ — *pajusti sunkumų* ‘испытать трудности’, *mažai svogūnų ragavęs* ‘мало лука пробовал’ — *nepatyręs* ‘неопытный’. В данном случае основанием метафорического переноса можно считать вкус лука.

Фразеологизмы с лексемами, входящими в лексико-семантическую группу «овощные культуры», шире представлены в литовском языке, чем в латышском, но в целом не имеют определённых особенностей, которые отличали бы их от фразеологизмов с лексемами, входящими в другие лексико-семантические группы.

К лексико-семантической группе «б о б о в ы е» относятся лексемы *puira* ‘бобы’, *žirnis* ‘горох’ в литовском языке и *puira* ‘бобы’, *zirnis* ‘горох’, *lēcas* ‘чечевица’ в латышском.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом-фитонимом *puira* ‘бобы’ в литовском языке (12 ФЕ) и *puira* ‘бобы’ в латышском языке (5 ФЕ), выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. как в литовском, так и в латышском языке лексема *puira* ‘бобы’ передаёт идею чего-то многочисленного: лит. *kaip puipų* ‘как бобов’ со значением *daug* ‘много’, лат. *asaras birst kā pupas* ‘слёзы сыплются, как бобы’ со значением *ļoti stipri raud* ‘очень сильно плачет’;
- b. и в литовских (2 ФЕ), и в латышских фразеологизмах (1 ФЕ) лексема *puira* ‘бобы’ связана с речью, ФЕ описывают быструю и многословную манеру разговора: лит. *puipų sieta pasidėti* ‘сито бобов положить’ — *sakoma apie daug kalbantį* ‘говорят о том, кто много говорит’, лат. *bērt kā pupas* ‘сыпать как бобы’ — *runāt ātri, vienā laidā* ‘говорить быстро, без умолку’.
- c. фитоним *puira* ‘бобы’ как в литовском (2 ФЕ), так и в латышском (1 ФЕ) указывает на маленький размер, что-то маленькое: лит. *kaip puipų pėdas* ‘как бобовая стопа (бобовый след)’ — *mažas* ‘маленький’, лат. *svina puira* ‘свинцовый боб’ — *lode* ‘пуля’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. фитоним *ripa* ‘бобы’ указывает на некрасивость, непривлекательность (2 ФЕ): *iš ripų nevarytum* ‘из бобов не выгнал бы’ — *negraži, apsileidusi* ‘некрасивая, неряшливая’
- b. фитоним *ripa* ‘бобы’ указывает на отсутствие забот (2 ФЕ): *ripą užkišęs už ausies* ‘боб засунув за ухо’ *be rūpesčių* ‘без забот’;
- c. фитоним *ripa* ‘бобы’ указывает на собственность (3 ФЕ): *ne (kieno) banda, ne (kieno) ripos* ‘не (чьё-то) стадо, не (чьи-то) бобы’ — *visai nerūpi* ‘совсем не заботит’. Фразеологизм допускает варьирование именного компонента при сохранении значения: *ne (kieno) kiaulės, ne (kieno) ripos* ‘не (чьи-то) свиньи, не (чьи-то) бобы’.

3) Характерные для латышского языка:

- a. фитоним *ripa* ‘бобы’ указывает на пестроту (1 ФЕ): *raibs kā ripas (ripi) zieds* ‘пёстрый, как бобовый цветок’ — *ļoti raibs* ‘очень пёстрый’;
- b. фитоним *ripa* ‘бобы’ указывает на лёгкость, внезапность (1 ФЕ): *ripi kūlis* ‘бобовый сноп’ — *ļoti viegli, pēkšņi, ļoti viegls* ‘очень легко, внезапно, очень лёгкий’.

Фразеологизмы с компонентом *žirnis* ‘горох’ в литовском языке и *zirnis* ‘горох’ в латышском языке (2 ФЕ) характеризуются следующими особенностями:

1) Характерные для обоих языков:

- a. и в латышском (1 ФЕ), и в литовском (2 ФЕ) языках фразеологизмы с компонентами *žirnis* ‘горох’ и *zirnis* ‘горох’ соответственно передают семантику бедности: лит. *kaip žirnis prie kelio* ‘как горох у дороги’ — *apie vargstantį* ‘о бедствующем’, лат. *pliks kā zirnis* ‘голый, как горох’ — *bez līdzekļiem, bez kādas mantas, ļoti nabadzīgs* ‘без средств, без какого-либо имущества, очень бедный’;

- b. в литовском (4 ФЕ) и в латышском (1 ФЕ) фразеологизмы с фитонимами *žirnis* ‘горох’ и *zirnis* ‘горох’ соответственно характеризуют речь, громкие или трескучие звуки: лит. *kaip žirnius tratinti į sieną* ‘как горох бить о стену’ — *sklandžiai pasakoti* ‘складно рассказывать’, лат. *bērt kā zirņius* ‘сыпать как горох’ — *ļoti ātri, raiti runāt* ‘очень быстро, свободно говорить’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. компонент-фитоним *žirnis* ‘горох’ как маркер презрительного отношения к бедности (1 ФЕ): к фразеологизму *žirnių sriuba pavaišinti* ‘гороховым супом угостить’ даётся объяснение *bajoras taip reiškia panieką nekilmingam* ‘дворянин так выражает презрение к неродовитому’ [FŽ: с. 875];
- b. компонент-фитоним *žirnis* ‘горох’ как маркер бесполезной работы, бесполезной речи, на которую никто не обращает внимания (3 ФЕ): *žalius žirnius barstyti į sieną* ‘зелёный горох в стену сыпать’ со значением *beprasmis darbas* ‘бессмысленная работа’;
- c. компонент-фитоним *žirnis* ‘горох’ указывает на грязь, характеризует грязного, неопрятного человека (1 ФЕ): *nors žirnius sėk* ‘хоть горох сей’ — *labai nešvarus* ‘очень грязный’;
- d. компонент-фитоним *žirnis* ‘горох’ как маркер ясности (3 ФЕ): *žirnius pasėti* ‘горох посеять’ — *atskleisti paslaptį* ‘раскрыть тайну’.

Фразеологизм (1 ФЕ) с компонентом-фитонимом *lēcas* ‘чечевица’ встречается только в латышском языке. ФЕ *pārdot par lēcū virumi* ‘продать за чечевичную похлёбку’ со значением *atteikties no kā, nodot kaut ko par necīgu atlīdzību, nelielu ieguvumu* ‘отказаться от чего-то, предать кого-то за ничтожное вознаграждение, небольшое приобретение’ характеризует лексику *lēcas*

‘чечевица’ как имеющую скрытую коннотацию бедности, что соотносится с такой же семантикой компонента-фитонима *žirnis* ‘горох’ в литовском языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что для лексем, входящих в лексико-семантическую группу «бобовые», в основном характерны следующие семантические ассоциации [Кобозева 200: с 92]:

- 1) бедность: лит. *žirnių sriuba pavaišinti* ‘гороховым супом угостить’, лат. *pārdot par lēcu virumu* ‘продать за чечевичную похлёбку’;
- 2) быстрая, громкая речь, звуки: лат. . *bērt kā pupas* ‘сыпать как бобы’, лит. *kaip žirnius tratinti į sieną* ‘как горох бить о стену’;
- 3) многочисленность: лит. *kaip pupų* ‘как бобов’.

К лексико-семантической группе «бахчевые культуры» следует отнести такие лексемы как: *arbūzas* ‘арбуз’, *moliūgas* ‘тыква’ — в литовском языке, тогда как в латышском языке не представлены фразеологизмы с фитонимами, относящимися к данной группе.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом-фитонимом *arbūzas* ‘арбуз’ (2 ФЕ), отмечаем, что семантические ассоциации носят негативный характер:

- a. *arbūzas* ‘арбуз’ как маркер неудачи: *arbūzā gauti* ‘арбуз получить’ — *apie vaikiną, už kurio mergina nesutiko tekėti* ‘о парне, за которого девушка отказалась выходить замуж’;
- b. *arbūzas* ‘арбуз’ как маркер глупости, бездарности: *kaip arbūzas* ‘как арбуз’ — *tenkai išmanantis, negabus* ‘плохо соображающий, неспособный’.

Фразеологизм с компонентом-фитонимом *moliūgas* ‘тыква’ за основу метафорического переноса берёт размер: ФЕ *kaip moliūgas* ‘как тыква’ имеет значение *riebus, apkūnus* ‘жирный, тучный’.

К лексико-семантической группе «дающие волокно» следует отнести фитонимы *kanarė* ‘конопля’ и *linas* ‘лён’ для литовского языка и *lini* ‘лён’ для латышского языка.

Анализируя фразеологизмы с компонентами *linas* ‘лён’ и *lini* ‘лён’ в литовском (7 ФЕ) и латышском языке (2 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности семантики:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском языке (1 ФЕ), так и в латышском языке (2 ФЕ) фитоним лён характеризует светлый цвет волос: лит. *kaip linas* ‘как лён’ — с первым значением *apie geltonus plaukus* ‘о жёлтых волосах’, лат. *kā lini*¹ ‘как лён’ — *saka par gaišiem, arī par saulē izbalējušiem matiem* ‘говорят о светлых, а также о выгоревших на солнце волосах’.

2) Характерные для литовского языка.

- a. *linas* ‘лён’ как маркер страдания, болезни (3 ФЕ): *lino mūka iškentėti* ‘льняную муку претерпеть’ — *patirti daug vargo* ‘изведать много бед’.
- b. *linas* ‘лён’ как маркер грязи (1 Ф): *gali linus sėti* ‘можно лён сеять’ — *apie labai purviną* ‘об очень грязном’;
- c. фитоним *linas* ‘лён’ участвует в трёх фразеологизмах со значением *per Užgavėnes svečiuotis* ‘на Масленицу гостить’: *linus tęsti* ‘лён тянуть’. Это объясняется традиционным представлением о том, что чем дальше хозяин уедет во время Масленицы, тем лучше вырастет лён. [Lukminienė 2005]

¹ Если в литовских фразеологизмах фитоним *linas* ‘лён’ используется как во множественном числе, так и в единственном числе, то в латышском языке *lini* ‘лён’ — это *pluralia tantum* [LKV: с. 624].

Фразеологизмы с компонентом-фитонимом *kanarė* ‘конопля’ встречаются только в литовском языке (18 ФЕ) и характеризуются следующими особенностями семантики:

- a. *kanarė* ‘конопля’ как маркер плохого вида, внешнего недостатка (6 ФЕ): *nors į kanapes statyk* ‘хоть в коноплю ставь’ — *bjaurus, negražus* ‘ужасный, некрасивый’, *kanapių striokas* ‘конопляный страх’ — *baidyklė* ‘чучело’;
- b. *kanarė* ‘конопля’ как маркер плохого качества (4 ФЕ): *į kanapes nešti* ‘в коноплю нести’ — *apie netikusį, blogą daiktą* ‘о неподходящей, плохой вещи’;
- c. фитоним *kanarė* ‘конопля’ связан с принуждением к работе (2 ФЕ): *kanarėmis šerti* ‘коноплёй кормить’ — *mušti botagu varant* ‘бить кнутом, подгоняя’;
- d. *kanarė* ‘конопля’ как маркер высоты, стройности (1 ФЕ): *kaip kanarė* ‘как конопля’ — *labai aukštas, lieknas* ‘очень высокий, стройный’;
- e. *kanarė* ‘конопля’ как маркер замешательства, как описание внезапного и/или нежелательного появления, вмешательства (3 ФЕ): *kaip aruokas iš kanapių* ‘как филин из конопли’ — *apie nerageidaujamą kišimąsi į kitų kalbą* ‘о нежелательном вмешательстве в чужой разговор’.

К лексико-семантической группе «декоративные растения» следует отнести следующие лексемы: *aguona* ‘мак’, *bijūnas (biliūnas)* ‘пион’ и *rūta* ‘рута’ для литовского языка и *tagone* ‘мак’ и *pijēne (rojēne)* ‘пион’ для латышского языка.

Анализируя фразеологизмы с компонентами-фитонимами *aguona* ‘мак’ и *tagone* ‘мак’¹ в литовском (19 ФЕ) и латышском языке (1 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности семантики:

1) Характерные для обоих языков:

- a. фитоним лит. *aguona* ‘мак’ и лат. *tagone* ‘мак’ как маркер красоты: лит. *kaip aguona* ‘как мак’ со значением *apie labai gražią* ‘об очень красивой’, лат. *kā tagone* ‘как мак’ — *saka par sievieti, kas ir skaista, izskatīga, ar sārtu sejas krāsu* ‘говорят о женщине, красивой, видной, румяной’;
- b. фитоним лит. *aguona* ‘мак’ и лат. *tagone* ‘мак’ как характеристика румянца: *kaip aguona* ‘как мак’ со значением *apie nukaitusią iš gėdos* ‘о покрасневшей от стыда’, лат. *kā tagone* ‘как мак’ — *saka par manāmi nosarkušu, piesarkušu sievieti, rēti par vīrieti* ‘говорят о заметно зардевшейся, покрасневшей женщине, редко — о мужчине’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. фитоним *aguona* ‘мак’ как маркер небольшого количества (6 ФЕ): *aguonos grūdelis* ‘маковое зёрнышко’ — *labai nedaug* ‘очень немного’;
- b. фитоним *aguona* ‘мак’ как маркер точности, кропотливости (3 ФЕ): *iki aguonos grūdo* ‘до макового зерна’ — *tiksliai* ‘точно’, *aguonos suskaitytos* ‘мак сосчитан’ — *apie labai kruopštų* ‘об очень кропотливым’;

¹ Фитоним мак можно отнести как к группе культивируемых, так и некультивируемых [Шведова 2002: с 539]. В данном кажется обоснованным отнести его к первой группе, поскольку литовские фразеологизмы со структурой типа (*nors* + фитоним в форме аккузатива) *sėk*) объединяют его с другими лексемами данной группы.

- c. фитоним *aguona* ‘мак’ в глагольных фразеологизмах также используется для описания тихого плача (2 ФЕ): *aguonas sėti* ‘мак сеять’ — *tyliai verkti* ‘тихо плакать’;
- d. фитоним *aguona* ‘мак’ в глагольных фразеологизмах может использоваться для описания обработанной нивы, поля (2 ФЕ): *nors aguonas sėk* ‘хоть мак сей’ — *apie gerai įdirbtą dirvą* ‘о хорошо обработанной ниве’;
- e. фитоним *aguona* ‘мак’ как маркер скорости роста (1 ФЕ): *su aguona* ‘с маком’ — *greitai (užaugti)* ‘быстро (вырасти)’;
- f. глагольный фразеологизм с фитонимом *aguona* ‘мак’ со значением оговаривать, проклинать: *žalias aguonas krėsti* ‘зелёный мак трести’.

Для фразеологизмов с фитонимами *bijūnas* ‘пион’ для литовского языка (1 ФЕ) и *pujene (rojene)* ‘пион’ для латышского языка (1 ФЕ) характерна одна общая особенность. Как в литовском, так и в латышском языке фитонимы *bijūnas* ‘пион’ и *pujene (rojene)* ‘пион’ соответственно используются для описания румянца: лит. *bijūnais žydėti* ‘пионами цвести’ со значением *rausti sarmatijantis* ‘краснеть от стыда’, лат. *kā pujene (rojene)* ‘как пион’ — *saka par sievieti ar sārtiem vaigiem, stipri piesarkušu seju* ‘говорят о женщине с румяными щеками, сильно покрасневшим лицом’. Следует отметить, что человек, для описания которого используется упомянутый литовский фразеологизм *bijūnais žydėti* ‘пионами цвести’, краснеет от стыда, тогда как в латышском языке фразеологизм такой коннотации не имеет:

(7) лит. *Balys kaip gaidys stripinėjo apie Eugeniją, o toji tik raudo, žydėjo bijūnais*. ‘Балис ходил вокруг Евгении, а та только рыдала, цвела пионами’ [FŽ: с. 104]

(8) лат. *Pērn, kad viņu redzēju pēdējoreiz, tad vaigi tai ziedēja kā pujuenes un puiši rindā skrēja paķaļ*. ‘В прошлом году, когда её видел последний раз, её щёки цвели как пионы, и парни за ней бегали.’ [LFV: с. 970]

Для фразеологизмов (13 ФЕ) с фитонимом *rūta* ‘рута’, которые представлены только в литовском языке, характерны следующие особенности:

- a. *rūta* ‘рута’ как маркер невинности (11 ФЕ): *rūtų vainiką suminti* ‘затоптать рутовый венок’ — *ištekėti* ‘выйти замуж’;
- b. *rūta* ‘рута’ как маркер усталости, причина медлительности (1 ФЕ): *kaip rūtas pasėjęs* ‘как руту посеявший’ — *lėtai (eina)* ‘медленно идти’;
- c. *rūta* ‘рута’ как маркер обмана (1 ФЕ): *į rūtų darželį vesti* ‘в рутовый сад вести’ — *apgaučinėti* ‘обманывать’.

Таким образом, и в литовском, и в латышском языке лексемы, входящие в лексико-семантическую группы «декоративные растения», характеризуют по большей части внешний вид человека, в частности — используют для описания румянца.

2.1.2. Некультивируемые травы

Некультивируемые растения, в отличие от культивируемых, сложнее поддаются делению на лексико-семантические группы, поскольку многие из них относятся к нескольким группам сразу: лекарственным и сорным, декоративным и лекарственным. Исходя из этого, видится необходимым описать сначала лексемы, которые входят в фразеологизмы как в литовском, так и в латышском языке, а затем перейти к тем, которые представлены только в одном из языков.

И в литовском, и в латышском языке представлены следующие лексемы:

Таблица 1

литовский	латышский	русский
dagys	dadzis	чертополох
dilgėlė; dilgynė;	natre	крапива

drignė	drigenes	белена
nendrė	niedre	тростник
ramulė; ramulis; ramunis	maurs	ромашка
smilga	smilga	полевица
velėna	velėna	дёрн

Сопоставляя фразеологизмы с фитонимами *dagys* ‘чертополох’ и *dadzis* ‘чертополох’ в литовском (8 ФЕ) и латышском языке (3 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности семантики:

1) Характерные для обоих языков:

В обоих языках (в литовском 7 ФЕ, в латышском 1 ФЕ) компонент-фитоним чертополох выступает как причина раздражения, дискомфорта: лит. *dagys po uodega* ‘чертополох под хвостом’ — *nemalonumas, susierzinimas* ‘неприятность, раздражение’, лат. *kā dadzis acī* ‘как чертополох в глазу’ — *saka par ko nepatīkami, traucējoši* ‘говорят о чём-то неприятном. беспокоящем’.

2) Характерные для литовского языка:

Глагольный фразеологизм *dagių maišą pažerti* ‘мешок чертополоха рассыпать’ со значением *apkalbėti, įskaudinti apkalbomis* ‘оговорить, обидеть оговором’ имеет смежную с первой группой фразеологизмов семантику, семантический фокус также определяется метафорическим переносом на основе того, что чертополох колючий.

3) Характерные для латышского языка:

Глагольный фразеологизм *pielīp kā dadzis* ‘пристаёт как чертополох’ со значениями *saka, ja kāds pār mērīgi cenšas būt kāda tuvumā, neatlaidīgi seko, apnīcīgi atgādina sevi, uzmācas* ‘говорят, если кто-то слишком старается быть рядом с кем-то, упорно ходит следом, надоедливо напоминает о себе пристаёт’

и *saka, ja kāds jūt dziļas simpātijas pret ko, ir kam ļoti pieķēries* ‘говорят, если кто-то чувствует глубокую симпатию к кому-то и к кому-то очень привязывается’ обнаруживает семантическую ассоциацию прилипчивости. Фразеологизм в первом значении имеет негативную коннотацию. Второе значение выявляет семантическую амбивалентность.

Фразеологизм *kā dadzis* ‘как чертополох’ со значением *ļoti stingri; neatlaidīgi* ‘очень жёстко, настойчиво’ за основу метафорического переноса берёт характеристику чертополоха как чего-то твёрдого.

Рассматривая литовские и латышские фразеологизмы с лексемами *dilgėlė, dilgynė* ‘крапива’ (2 ФЕ) и *natre* ‘крапива’ (5 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

В обоих языках фитоним крапива выступает как причина беспокойства, волнения: лит. *kaip į dilgynes įmesti* ‘как в крапиву бросить’ — *labai sujaudinti* ‘очень взволновать’, лат. *kā uz nātrēm* ‘как на крапиве’ — *ļoti nemierīgi (sēdēt, gulēt)* ‘очень беспокойно (сидеть, лежать)’. В данном случае в основе метафорического переноса лежит жгучесть крапивы.

2) Характерные для литовского языка:

Субстантивный фразеологизм *dilgėlių vainikas* ‘венки из крапивы’ со значением *atgailos vieta (merginai)* ‘место покаяния (для девушки)’ связан с семантической ассоциацией крапивы как наказания, маркера виновности в чём-либо:

(9) *Jau katra nusidėjo, tai sekmadienį ją varo į dilgėlių vainiką.* ‘Если которая согрешила, то в воскресенье гнали её на покаяние (дословно — в крапивный венок).’ [FŽ: с. 158]

3) Характерные для латышского языка:

- a. *natre* ‘крапива’ как маркер трудностей (1 ФЕ): *kuļas kā pliks pa nātrēm* ‘вертится как голый в крапиве’ — *neveiksmīgi cīnīties ar materiālām grūtībām* ‘безуспешно бороться с материальными трудностями’;
- b. *natre* ‘крапива’ как маркер остроты (1 ФЕ): *ass kā nātre* ‘острый как крапива’ — *ļoti ass (parasti labi uztrīts nazis, izkopts, zāģis, retāk cilvēka roksturs)* ‘очень острый (обычно хорошо заточенный нож, коса, пила, реже — характер человека’;
- c. *natre* ‘крапива’ как причина боли, физического дискомфорта (1 ФЕ): *dzeļ kā nātres* ‘жалит как крапива’ — *saka, ja aukstums rada asu, sāpīgu, nepatīkamu sajūtu, ja kas sagādā dziļas ciešanas* ‘говорят, если холод приносит боль, болезненное неприятное ощущение, если что-то приносит глубокие страдания’.

Рассматривая литовские (4 ФЕ) и латышские (1 ФЕ) фразеологизмы с фитонимами *drignė* ‘белена’ и *drigenes* ‘белена’ соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском (4 ФЕ), так и в латышском языке фитоним белена выступает как маркер необычного, неадекватного поведения, что хорошо видно на примере эквивалентных фразеологизмов: лит. *kaip drignių apsiėdęs* ‘как белены объевшийся’ — *apie pakvaišusį* ‘об одурелом’, лат. *kā drigenes saėdis* ‘как белены поевший’ — *saka, ja kāds ir pārāk nemierīgs, neapvaldīts, satraukts, apjucis* ‘говорят, если кто-то слишком беспокойный, необузданный, взбудораженный, растерянный’.

Сопоставляя литовские (2 ФЕ) и латышские (2 ФЕ) фразеологизмы с фитонимами *nendrė* ‘тростник’ и *niedre* ‘тростник’ в литовском и латышском языке соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовском языке фразеологизмы с компонентом *nendrė* ‘тростник’ отражают представление о тростнике как о чём-то густо растущем и характеризуют злаки: *labai vešlūs* ‘очень пышные’.

2) Характерные для латышского языка:

- a. *niedre* ‘тростник’ как маркер стройности, гибкости: *kā niedre* ‘как тростник’ — *ļoti slaidi, stalti; lokani* ‘очень стройный, статный; гибкий’;
- b. *niedre* ‘тростник’ как маркер хрупкости: *kā niedre* ‘как тростник’ — *trausls, tāds, kas ātri, viegli lūst* ‘ломкий, тот, который быстро, легко ломается’;
- c. *niedre* ‘тростник’ как маркер непостоянства: *lokās kā niedre vējā* ‘гнётся как тростник на ветру’ — *saka, ja kāds ir viegli ietekmējams, nepastāvīgs uzskatos, rīcībā* ‘говорят, если на кого-то легко повлиять, если кто-то непостоянен в своих взглядах, действиях’;

Анализируя литовские (4 ФЕ) и латышские (1 ФЕ) фразеологизмы с компонентами *ramulė, ramulis, ramunis* ‘ромашка’ и *maurs* ‘ромашка’ соответственно, обнаруживаем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

- a. ромашка как маркер отношений романтического характера: *ramulę sukti* ‘ромашку крутить’ — *mergintis, meilintis* ‘ухаживать за девушкой, обхаживать’. Интересно отметить, что в данном случае наблюдаются фонетические варианты фразеологизма [Жуков 1986: с. 166]: *ramunį sukti, ramulį sukti*¹;

¹ Рассматривая фразеологизм *ramulį sukti* как фонетический вариант, следует отметить, что в данном случае можно говорить о переходе фразеологической вариантности в фразеологическую синонимию, поскольку тождество фразеологизма нарушено: фразеологическая единица *ramulį sukti* имеет два значения [FŽ: с. 563], тогда как *ramulę*

- b. ромашка как маркер легкомысленности, баловства: *ramulī sūkti* ‘ромашку крутить’ — *dūkti, išdykauti* ‘шалить, проказничать’;
- c. глагольный фразеологизм *ramulī rauti* ‘ромашку рвать’ со значением *peštis, ginčytis* ‘драться спорить’ допускает варьирование именного компонента без изменения значения: *ropes rauti* ‘репу рвать’. Таким образом, можно сделать вывод, что семантический фокус определяется не семантикой фитонима *ramulis* ‘ромашка’.

2) Характерные для латышского языка:

Латышский фразеологизм *tas vairs mauru nemīs* ‘тот (он) больше не будет ромашки топтать’ со значением *saka, ja kādam paredzama nāve* ‘говорят, если кто-то предположительно скоро умрёт’ входит в группу как литовских, так и латышских фразеологизмов, с общей структурой (фитоним в АСС + переходный глагол движения): *dobily nemindžios* ‘клевер топтать не будет’ — *greit mirs* ‘скоро умрёт’. Данные фразеологизмы объединяют концепт жизни с идеей движения и, соответственно, характеризуют смерть как прекращение движения.

Рассматривая фразеологизмы с лексемами *smilga* ‘полевица’ и *smilga* ‘полевица’ в литовском (24 ФЕ) и латышском (3 ФЕ) языке соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. Как в литовском, так и в латышском языке фитоним полевица выступает как маркер лени: лит. *į smilgą nusidaužti* ‘в полевицу сбиваться’ — *sakoma apie tinginio darbą* ‘говорят о работе лентяя’, лат. *nepacelt ne smilgas* ‘не поднять ни полевицы’ —

sukti только одно, а при фразеологической вариантности в каждом отдельном значении варьируемые компоненты взаимозаменяемы [Жуков 1986: с. 172].

neko nedarīt, nestrādāt, slinkot ‘ничего не делать, не работать, лениться’.

- b. в обоих языках фитоним полевица имеет коннотативное значение чего-то мелкого, тонкого: лит. *smilga perdurti* ‘поливицей проколоть’ — *labai liesas, plonas* ‘очень худой, тонкий’, лат. *kā smilga* ‘как полевица’ — *saka, ja kāds (parasti meitene) ir ļoti tievs, sīks, trausls* ‘говорят, если кто-то (часто девушка) очень худой, миниатюрный, субтильный’;

2) Характерные для литовского языка

- a. *smilga* ‘полевица’ как маркер незначительности, неважности (5 ФЕ): *smilgos galvoje* ‘полевица в голове’ — *apie niekus kalbantį* ‘о ерунде говорить’;
- b. *smilga* ‘полевица’ как маркер незамужнего или неженатого человека (4 ФЕ): *smilgose gimęs* ‘в полевице родился’ — *sakoma apie nesantuoktinį vaiką* ‘говорят о ребёнке, который не состоит в браке’;
- c. *smilga* ‘полевица’ как маркер страха, испуга (3 ФЕ): *smilgos neįkiši į užpakalį* ‘полевицу в зад не засунешь’ *sakoma apie išsigandusį* ‘говорят об испугавшемся’;
- d. *smilga* ‘полевица’ как маркер нехватки времени (4 ФЕ): *smilgai perdegant* ‘пока полевица перегорает’ — *visiškai (nėra laiko)* ‘совсем (нет времени)’;
- e. *smilga* ‘полевица’ как маркер нереальности (1 ФЕ): *smilgų tvora* ‘забор из полевицы’ — *nerealus darbas, neįtikimas dalykas* ‘нереальная работа, невероятная вещь’.

Анализируя фразеологизмы с лексемами *velėna* ‘дёрн’ и *velėna* ‘дёрн’ в литовском (27 ФЕ) и латышском (4 ФЕ) языке соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. *velėna* ‘дёрн’ (20 ФЕ) и *velėna* ‘дёрн’ (3 ФЕ) как маркер смерти: лит. *pro velėnų žiūrėti* ‘через дёрн смотреть’ — *būti mirusiam* ‘быть мёртвым’, лит. *po velėna pakšti* ‘под дёрн положить’ — *palaidoti* ‘похоронить’, лат. *būt zem velėnām* ‘быть под дёрном’ — *būt mirušam, apglabātam* ‘быть мёртвым, похороненным. Как в латышском, так и в литовском языке широко распространена фразеологическая вариантность с варьированием глагольного компонента.
- b. *velėna* ‘дёрн’ (1 ФЕ) и *velėna* ‘дёрн’ (1 ФЕ) как маркер массивности: лит. *kaip velėna* ‘как дёрн’ — *apie labai riebus* ‘об очень жирном’, лат. *kā velėna* ‘как дёрн’ — *ļoti smags* ‘очень тяжёлый’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. *velėna* ‘дёрн’ как маркер весны(2 ФЕ): *vyžą išnešti ant velėnos* ‘лапоть вынести на дёрн’ — *sulaukti pavasario* ‘дождаться весны’;
- b. *velėna* ‘дёрн’ как маркер небольшого размера (3 ФЕ): *per velėną neperlipa* ‘через дёрн не перелезет’ — *labai mažas* ‘очень маленький’;
- c. *velėna* ‘дёрн’ как маркер усталости (1 ФЕ): *per velėną neperlipa* ‘через дёрн не перелезет’ — *labai nusilpęs, nusivaręs* ‘очень ослабший, уставший’
- d. *velėna* ‘дёрн’ как маркер темноты, тёмного цвета: *kaip velėna* ‘как дёрн’ — *apie tamsų* ‘о тёмном’.

Таким образом, мы рассмотрели лексемы, которые представлены как в литовском языке, так и в латышском. Далее представляется необходимым

отдельно рассмотреть лексемы, входящие в литовские и латышские фразеологизмы.

В литовском языке к данной группе мы отнесём такие лексемы, как: *brantas* ‘повилика’, *čemerys* ‘чемерица’, *dobilas* ‘клевер’, *garšva* ‘снить’, *meldas, meldynas* ‘камыш’, *notra* ‘чистец’, *papartis* ‘папоротник’, *plūdė* ‘рдест’, *samanos* ‘мох’, *viksva* ‘осока’, *traškis* ‘лютик’.

1) Для фразеологизмов (7 ФЕ) с фитонимом *brantas* ‘повилика’¹ характерны следующие особенности:

- a. *brantas* ‘повилика’ как маркер чего-то плохого, негодного (5 ФЕ): *brantas pristojo* ‘повилика пристала’ — *kas bloga pasidarė* ‘что-то плохое случилось’;
- b. *brantas* ‘повилика’ как маркер неизвестности (1 ФЕ): *brantas žino* ‘повилика знает’ — *nežinia* ‘неизвестно’.

2) Для фразеологизмов (6 ФЕ) с фитонимом *čemerys* ‘чемерица’ характерны такие особенности:

- a. *čemerys* ‘чемерица’ как маркер чувствительности (1 ФЕ): *čemerių porūtis* ‘чемеричная недотрога’ — *kas labai opus, jautrus* ‘кто-то очень нежный, чувствительный’;
- b. *čemerys* ‘чемерица’ как маркер неизвестности (2 ФЕ): *čemerys žino* ‘чемерица знает’ — *nežinia* ‘неизвестно’;

¹ Следует отметить, что одно из значений *brantas* ‘повилика’ — *velnias* ‘чёрт’ [LKŽ], а фразеологизмы с компонентом-фитонимом *brantas* ‘повилика’ строятся по тем же моделям, что и некоторые фразеологизмы с лексемой *velnias* ‘чёрт’. Однако представляется необходимым включить эту лексему в анализ, поскольку первое её значение — *toks parazitinis vijoklinių šeimos augalas* ‘такое сорное растения семейства выюнковые’. Это же замечание справедливо и для фитонима *čemerys* ‘чемерица’, первое значение которого — *lelijinių šeimos daugiametis nuodingas, vaistinis augalas, atgirios* ‘многолетние ядовитое и лекарственное растение семейства лилейных’.

- c. *čemerys* ‘чемерица’ как маркер движения, направленного от объекта (1 ФЕ): *po čemerių eiti* ‘по чемерицу идти’ — *pabėgti* ‘сбежать’;
 - d. *čemerys* ‘чемерица’ как маркер чего-то плохого (2 ФЕ): *čemerys nerinks* ‘чемерица не возьмёт’ — *nieko bloga neatsitiks* ‘ничего плохого не случится’.
- 3) Для фразеологизмов (8 ФЕ) с фитонимом *dobilas* ‘клевер’ характерны такие особенности:
- a. *dobilas* ‘клевер’ как маркер смерти (6 ФЕ): *dobily nemins* ‘клевер мять не будет’ — *ilgai negyvens, greit mirs* ‘долго не проживёт, скоро умрёт’. Как уже было упомянуто, эти фразеологические единицы построены по модели, распространённой как в литовском, так и в латышском языке и отражают концепт «жизнь = движение».
 - b. *dobilas* ‘клевер’ как маркер красоты мужчины (2 ФЕ): *kaip dobilėlis* ‘как клевер (диминутив)’ — *apie gražų bernelį* ‘о красивом парне’.
- 4) Для фразеологизма (1 ФЕ) с фитонимом *garšva* ‘сныть’ *garšvų čiulė* ‘пучок сныти’ со значением *apie apsileidusį žmogų* ‘о неряшливом человеке’ характерно представление о сныти как о чём-то грязном, неаккуратном. Можно предположить, что метафорический перенос основан на том, что сныть — сорная трава.
- 5) Для фразеологизмов (2 ФЕ) с компонентами *meldas*, *meldynas* ‘камыш’ характерны следующие особенности:
- a. *meldas* ‘камыш’ как что-то тонкое и высокое: *kaip meldas* ‘как камыш’ — *apie liekną, aukštą* ‘о стройном, высоком’;
 - b. *meldynas* ‘камыш’ как что-то густое: *kaip meldynas* ‘как камыш’ — *tankus, vešlus* ‘густой, пышный’.

- 6) Для фразеологизмов (3 ФЕ) с фитонимом *notra* ‘чистец’ характерны следующие особенности:
- a. *notra* ‘чистец’ как маркер неизвестности (1 ФЕ): *notra žino* ‘чистец знает’ — *nežinia* ‘неизвестно’;
 - b. *notra* ‘чистец’ как маркер чего-то плохого (2 ФЕ): *kad (tave...) notra* ‘чтоб (тебя...) чистец’ — *sakoma keikiantis* ‘говорят ругаясь’;
- 7) Для фразеологизмов (2 ФЕ) с фитонимом *rapartis* ‘папоротник’ характерна следующая особенность: *rapartis* ‘папоротник’ выступает как маркер счастья, удачи: *raparčio žiedas* ‘цветок папоротника’ — *laimė* ‘счастье’. Мотивировка фразеологизмов связана с представлением о цветке папоротника как о том, что приносит счастье.
- 8) Для фразеологизмов (2 ФЕ) с фитонимом *plūdė* ‘рдест’ характерна следующая особенность: *plūdė* ‘рдест’ выступает как маркер усталости: *vienoje plūdėje* ‘в одном рдесте’ — *labai suprakaitavęs, pailsęs* ‘очень вспотевший, усталый’. Мотивировка фразеологизма, возможно, связана с тем, что рдест — водное, скользкое на ощупь растение.
- 9) Для фразеологизмов (3 ФЕ) с фитонимом *samanos* ‘мох’ характерны следующие особенности:
- a. *samanos* ‘мох’ как маркер неряшливости, небрежности (2 ФЕ): *samanomis apželti* ‘мхом обрасти’ — *apsileisti* ‘стать неряшливым, опуститься’;
 - b. *samanos* ‘мох’ как маркер равнодушия (1 ФЕ): *širdį apauginti samanomis* ‘позволить сердцу обрасти мхом’ — *pasidaryti abejingam* ‘стать равнодушным’.

10) Для фразеологизмов (4 ФЕ) с фитонимом *viksna* ‘осока’ характерны следующие особенности:

- a. *viksna* ‘осока’ как маркер злости (1 ФЕ): *su viksna uodegoje* ‘с осокой на хвосте’ — *piktas* ‘злой’;
- b. *viksna* ‘осока’ как маркер плохого (2 ФЕ): *viksna papjautum* ‘осокой бы порезал’ — *apie labai menkq, liesq* ‘об очень плохом, тощем’;
- c. *viksna* ‘осока’ как маркер узкого (1 ФЕ): *kaip viksna prapjautos* ‘как осокой прорезаны’ — *apie siauras akis* ‘об узких глазах’.

11) Фразеологизм с компонентом-фитонимом *traškis* ‘лютик’ *kad (tave...) kur traškiai* ‘чтоб (тебя...) где лютики’ со значением *toks keiksmas* ‘такое проклятие’ выявляет ту же семантическую ассоциации, что и многие другие сорняки: *traškis* ‘лютик’ как что-то плохое, место, заросшее лютиками, как что-то непривлекательное.

В латышском языке к данной группе мы отнесём такие лексемы, как: *donis* ‘ситник’, *ūdenszale* ‘манник’, *vērmeles* ‘полынь’.

1) Фразеологизм с компонентом-фитонимом *donis* ‘ситник’ *kā donis* ‘как ситник’ со значением *saka par ko īpaši slaidu, taisnu* ‘говорят о ком-то особенно стройном, прямом’ выявляет семантическую ассоциацию тонкого.

2) Фразеологизм с фитонимом *ūdenszale* ‘манник’ характеризует манник как нечто подвижное: *kā ūdenszale* ‘как манник’ — *saka, ja kāds ir ļoti darbīgs, kustīgs, veikls, aktīvs* ‘говорят, если кто-то очень деятельный, подвижный, ловкий, активный’.

3) Фразеологизм *rūgts kā vērmeles* ‘горький как полынь’ в значении *ļoti rūgts* ‘очень горький’, соответственно, выявляет характеристику полыни как чего-то горького.

2.2. Деревья, кустарники

Как и при описании травянистых растений, видится необходимым разделить деревья и кустарники на культивируемые и некультивируемые, поскольку лексемы, входящие в эти группы, могут влиять на внутреннюю мотивировку фразеологизма по-разному. Следует также отметить, что в рамках данной группы будут проанализированы не только фитонимы, называющие собственно деревья и кустарники, но и лексемы, называющие их плоды.

2.2.1. Культивируемые

Представляется удобным описать сначала лексемы, которые входят в фразеологизмы как в литовском, так и в латышском языке, а затем перейти к тем, которые представлены только в одном из языков.

И в литовском, и в латышском представлены следующие лексемы:

Таблица 2

литовский	латышский	русский
<i>lauras</i>	<i>lauri</i>	лавр
<i>obelis, obelė</i>	<i>ābele</i>	яблоня
<i>obuolys</i>	<i>ābols</i>	яблоко
<i>riešutas</i>	<i>rieksts</i>	орех
<i>slyva</i>	<i>plūme</i>	слива
<i>rožė</i>	<i>roze</i>	роза

Рассматривая фразеологизмы с компонентом-фитонимом *lauras* ‘лавр’ в литовском языке (4 ФЕ) и *lauri* ‘лавр’ в латышском языке (2 ФЕ), выделяем следующие особенности.

В латышском и литовском существуют эквивалентные фразеологизмы лит. *ant laurų ilsėtis* ‘почивать на лаврах’ — *džiaugtis pasiekimais, toliau nieko neveikiant* ‘радоваться достижениям, дальше ничего не делая’, лат. *atdusēties uz lauriem* ‘почивать на лаврах’ с тем же значением; лит. *laurus skinti* ‘лавры срывать’ *garsėti, išgarsėti* ‘прославиться’ и лат. *plūkt laurus* ‘срывать лавры’ с тем же значением. В обоих языках наблюдается фразеологическая вариантность, а точнее — лексические варианты фразеологизмов с варьированием глагольного компонента. Лексема *lauras* ‘лавр’ в литовском и *lauri* ‘лавр’ в латышском языке имеют коннотативное значение успеха, достижения.

Анализируя фразеологизмы с компонентам-фитонимами *obelis, obelė* ‘яблоня’ в литовском языке (3 ФЕ) и *ābele* ‘яблоня’ в латышском (1 ФЕ), выделяем следующие особенности: в обоих языках для фитонима яблоня характерна семантическая ассоциация белого цвета: лит. *kaip obelė* ‘как яблоня’ со значением *apie žilą* ‘о седом’, лат. *balts kā ābele* ‘белый как яблоня’ — *pavisam sirms, gluži baltiem matiem* ‘совсем седой, с полностью белыми волосами’.

Сопоставляя литовские (8 ФЕ) и латышские фразеологизмы (2 ФЕ) с лексемами *obuolys* ‘яблоко’ и *ābols* ‘яблоко’ соответственно, можем выделить следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском (2 ФЕ), так и в латышском (1 ФЕ) лексема яблоко имеет коннотацию причины спора: лит. *vaidų obuolys* ‘яблоко раздора’ со значением *nesantaikos priežastis* ‘причина несогласия’, лат. *strīda ābols* ‘яблоко раздора’ с тем же значением.

2) Характерные для литовского языка:

- а. *obuolys* ‘яблоко’ как источник прибыли (2 ФЕ): *aukso obuolys* ‘золотое яблоко’ — *kas duoda didelį pelną* ‘то, что даёт большую прибыль’;

- b. *obuolys* ‘яблоко’ как маркер красоты (2 ФЕ): *kaip obuolys* ‘как яблоко’ — *apie gražų žmogų, gyvulį ar daiktą* ‘о красивом человеке, животном или вещи’;
- c. *obuolys* ‘яблоко’ как маркер смерти (2 ФЕ): *žemė kvepia obuoliais* ‘земля пахнет яблоками’ — *visai silpnas, arti mirties* ‘совсем слабый, близок к смерти’;

3) Характерные для латышского языка:

Фразеологизм *kā ābols* ‘как яблоко’ со значением *veselīgs, sārtiem, apaļiem vaigiem* ‘здоровый, с румяными круглыми щеками’ обнаруживает семантическую ассоциацию *ābols* ‘яблоко’ — здоровье.

Рассматривая фразеологизмы с лексемами *riešutas* ‘орех’ и *rieksts* ‘орех’ в литовском (7 ФЕ) и латышском языке (3 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском (4 ФЕ), так и в латышском (2 ФЕ) лексема *riešutas* ‘орех’ (*rieksts* ‘орех’) выступает как маркер сложности, что наиболее очевидно на примерах эквивалентных фразеологизмов со значением «что-то, что сложно понять, решить»: лит. *kietas riešutas* ‘крепкий орех’ — *ciets rieksts* ‘крепкий орех’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. *riešutas* ‘орех’ как маркер лёгкости (2 ФЕ): *kaip riešutą krimsti* ‘как орех грызть’ — *lengvai (ką daryti)* ‘легко (что-то делать)’;
- b. *riešutas* ‘орех’ как маркер дружбы (1 ФЕ): *vieną riešutą krimsti* ‘один орех грызть’ — *draugauti, sutarti* ‘дружить, быть в согласии’. Следует отметить, что в данном случае семантический фокус в большей степени определяется словом *vieną* ‘один’.

3) Характерные для латышского языка:

В латышском языке для лексемы *rieksts* ‘орех’ характерна семантическая ассоциация коричневого цвета: *kā rieksta kodols* ‘как ядро ореха’ — *pavisam brūns* ‘совсем коричневый (загорелый)’.

Рассматривая фразеологизмы с фитонимами *slyva* ‘слива’ и *plūme* ‘слива’ в литовском (2 ФЕ) и латышском языке (1 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовском языке лексема *slyva* ‘слива’ имеет коннотативное значение красоты: *kaip slyva* ‘как слива’ — *apie gražų* ‘о красивом’

2) Характерные для латышского языка:

В латышском языке для лексемы *plūme* ‘слива’ характерна семантическая ассоциация полноты: *kā plūme* ‘как слива’ — *saka par pilnīgu cilvēku (biežāk sievieti), par labi baroru dzīvnieku* ‘говорят о полном человеке (чаще о женщине), о хорошо откормленном животном’.

Сопоставляя фразеологизмы с компонентом-фитонимом *rožē* ‘роза’ и *roze* ‘роза’ в литовском (2 ФЕ) и латышском языке соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском (1 ФЕ), так и в латышском языке (1 ФЕ) фитоним *rožē* ‘роза’ (*roze* ‘роза’) выступает как маркер красоты: лит. *vėjų rožė* ‘роза ветров’ — *gražuolė* ‘красавица’, лат. *kā roze* ‘как роза’ — *saka par skaistu, jaunu sievieti, par sārtiem vaigiem* ‘говорят о красивой молодой женщине, о румяных щеках’.

2) Характерные для литовского языка:

В литовском языке фитоним *rožė* ‘роза’ выступает как маркер удачи: *rožėmis klotas* ‘розами устлан’ — *sėkmingas* ‘удачный’.

3) Характерные для латышского языка:

Латышский фразеологизм *ceļš nav rozēm kaisīts* ‘дорога не розами усыпана’ со значением *saka, ja, cenšoties sasniegt iecerēto, jāpārvar grūtības* ‘говорят, если в попытке достичь желаемого нужно преодолеть сложности’ характеризует фитоним *roze* ‘роза’ как маркер простого.

Таким образом, были рассмотрены особенности входящих в фразеологизмы лексем, которые представлены как в литовском, так и в латышском языке. Представляется необходимым отдельно проанализировать лексемы, которые являются компонентами только литовских или латышских фразеологизмов.

В литовском языке к данной группе мы отнесём такие лексемы, как: *alyva* ‘олива’, *erškėtis* ‘шиповник’, *fyga* ‘инжир’, *kadagys* ‘можжевельник’, *migdolai* ‘миндаль’, *tutas* ‘шелковица’, *vyšnia* ‘вишня’.

- 1) Для фразеологизма *alyvos šakelė* ‘ветка оливы’ со значением *taikos, ramybės ženklas* ‘знак мира, спокойствия’ характерно представление об оливе как о маркере мира, которое восходит ещё к греко-римской традиции.
- 2) Для фразеологизмов (2 ФЕ) с компонентом-фитонимом *erškėtis* ‘шиповник’ характерны следующие особенности:
 - a. *erškėtis* ‘шиповник’ как маркер трудности, причины страданий: *erškėčių kelią praeiti* ‘пройти шиповниковую дорогу’ — *labai vargti* ‘очень мучиться’;
 - b. *erškėtis* ‘шиповник’ как причина испуга: *kaip žvirbliai erškėčiuose* ‘как воробей в шиповнике’ — *apie bailius* ‘о трусливом’. Следует отметить, что в данном случае семантический фокус в большей степени определяется компонентом-зоонимом, который будет подробнее описан далее.

- 3) Для фразеологизма *fygos lapelis* ‘листок инжира’ со значением *blogu darbu priedanga* ‘ширма для плохих дел’ характерно представление об инжире как о прикритии.
- 4) Для фразеологизмов (2 ФЕ) с компонентом-фитонимом *kadagys* ‘можжевельник’ характерны следующие особенности:
 - a. *kadagys* ‘можжевельник’ как маркер смерти (1 ФЕ): *kadagys traukia* ‘можжевельник тянет’ — *arti mirties* ‘около смерти’;
 - b. *kadagys* ‘можжевельник’ как сырьё для домашней водки (1 ФЕ): *iš kumpo kadagio* ‘из кривого можжевельника’ — *apie namīņę degtinę* ‘о домашней водке’.
- 5) В фразеологизмах (3 ФЕ) с компонентом *migdolai* ‘миндаль’ фитоним выступает как маркер несбыточного желания, мечты: *dangiški migdolai* ‘небесный миндаль’ — *neįvykdomas noras* ‘невыполнимое желание’.
- 6) Фразеологизм *tutu tutais* ‘*шелковицами шелковиц’ со значением *būriais ir greitai* ‘толпой и быстро’ представляет компонент-фитоним *tutas* ‘шелковица’ как маркер быстрого совместного действия.
- 7) Фразеологизмы (2 ФЕ) с компонентом *vyšnia* ‘вишня’ выявляют семантическую ассоциацию лексемы с колдовством: *vyšnias mesti* ‘вишню кидать’ — *burti* ‘колдовать’. Следует упомянуть, что фразеологические единицы представляют собой морфологические варианты фразеологизма: *vyšnias mesti* — *vyšnias sumesti*.

В латышском языке к данной группе мы отнесём такие лексемы, как: *brūklene* ‘брусника’, *citrons* ‘лимон’.

- 1) Фитоним *brūklene* ‘брусника’ входит в один фразеологизм и выступает в качестве маркера румянца: *kā brūklene* ‘брусника’ — *saka par jaunu sievieti, kas ir mulsumā piesarkusi vai kam ir sārti vaigi*

‘говорят о молодой женщине, которая в смущении краснеет или у которой румяные щёки’.

- 2) Лексема *citrons* ‘лимон’ также входит в один фразеологизм и выступает в качестве маркера эксплуатации: *izspiest kā citronu* ‘выжать как лимон’ — *maksimāli izmantot savā labā; līkt strādāt, izkalpināt tā, ka zūd visi spēki* ‘максимально использовать в своих интересах, заставить работать, эксплуатировать так, что пропадут все силы’.

2.2.2. Некультивируемые

Как и в предыдущем разделе, представляется обоснованным описать сначала лексемы, которые входят в состав фразеологизмов как в литовском, так и в латышском языке, а затем перейти к тем, которые представлены только в одном из языков.

И в литовском, и в латышском представлены следующие лексемы:

Таблица 3

литовский	латышский	русский
<i>ąžuolas</i>	<i>ozols</i>	дуб
<i>karklas</i>	<i>kārklis</i>	ива
<i>pušė</i>	<i>priede</i>	сосна
<i>verba</i>	<i>pūpols</i>	верба

Рассматривая литовские (2 ФЕ) и латышские (1 ФЕ) фразеологизмы с компонентом-фитонимом *ąžuolas* ‘дуб’ и *ozols* ‘дуб’ соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

И в литовских, и в латышских фразеологизмах фитоним *qžuolas* ‘дуб’ (*ozols* ‘дуб’) выступает как маркер силы, здоровья: лит. *kaip qžuolas* ‘как дуб’ — *sveikas, tvirtas* ‘здоровый, твёрдый’, лат. *kā ozols* ‘как дуб’ — *saka par stipru, spēcīgi, staltu vīrieti* ‘говорят о сильном, мощном, статном мужчине’.

2) Характерные для литовского языка:

Глагольный фразеологизм *kaip iš qžuolo iškritęs* ‘как с дуба упал’ со значением *nesusigaudantis, naivus* ‘несоображающий, наивный’ относится к группе ФЕ с общей моделью *kaip iš + название дерева + iškritęs* и значением «несоображающий, наивный»: *kaip iš beržo iškritęs* ‘как с берёзы упал’.

Сопоставляя литовские (3 ФЕ) и латышские (2 ФЕ) фразеологизмы с компонентом-фитонимом *karklas* ‘ива’ и *kārklis* ‘ива’ соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

- a. *karklas* ‘ива’ как маркер несамостоятельного мышления: *palinkęs karklas* ‘склонившаяся ива’ — *apie neturintį savo nuomonės* ‘о неимеющем своего мнения’;
- b. *karklas* ‘ива’ как маркер смерти: *karklą esti nuėjęs* ‘иву есть пошёл’ — *niekais virto* ‘ничем стал’;
- c. *karklas* ‘ива’ как маркер забывчивости: *ant karklo pakabinti* ‘на иву повесить’ — *užmiršti* ‘забыть’.

2) Характерные для латышского языка:

- a. Фразеологизм *kā kārkli* ‘как ивы’ со значением *saka par spēcīgi augušu labību* ‘говорят о сильно растущих хлебах’ выявляет характеристику фитонима *kārklis* ‘ива’ как чего-то бурно растущего.

- b. *kārklis* ‘ива’ как маркер фальсификации, обмана: *kārklu vācietis* ‘ивовый немец’ — *latvietis, kas cenšas izlikties par vācieti* ‘латыш, который старается притворяться немцем’.

Сопоставляя литовские (2 ФЕ) и латышские (1 ФЕ) фразеологизмы с компонентами-фитонимами *pušis* ‘сосна’ и *priede* ‘сосна’ соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовских фразеологизмах компонент-фитоним *pušė* ‘сосна’ выступает как маркер смерти: *po pušele važiuoti* ‘под сосну (диминутив) ехать’ — *mirti* ‘умереть’. В данном случае следует отметить лексический вариант фразеологизма: *po pušele atsigulti* ‘под сосну (диминутив) лечь’ — *mirti* ‘умереть’.

2) Характерные для латышского языка:

Priede ‘сосна’ как маркер чего-то простого: *apmaldīties trīs priedēs* ‘заблудиться в трёх соснах’ — *nespēt izprast, atrisināt ko ļoti vienkāršu* ‘не мочь понять, решить что-то очень простое’.

Рассматривая литовские (1 ФЕ) и латышские (1 ФЕ) фразеологизмы с компонентами-фитонимами *verba* ‘верба’ и *pūpols* ‘верба’ соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовском языке фитоним *verba* ‘верба’ выступает как маркер неизвестности внутри фразеологизма, построенного по распространённой модели (фитоним + *žino* ‘знает’): *verba žino* ‘верба знает’ — *nežinia* ‘неизвестно’. Все подобные фразеологические единицы могут считаться лексическими вариантами.

2) Характерные для латышского языка:

В латышском языке фитоним *pūpols* ‘верба’ выступает как маркер полноты, здоровья: *apaļš kā pūpols* ‘круглый как верба’ — *tukls, veselīgs*

(*cilvēks*), *labi barots (dzīvnieks)* ‘тучный, здоровый (человек), хорошо откормленное (животное)’.

Далее необходимо отдельно рассмотреть лексемы, входящие в состав фразеологизмов только в литовском или только в латышском языке.

В литовском языке к данной группе мы отнесём такие лексемы, как: *alksnis* ‘ольха’, *beržas* ‘берёза’, *drebulė, erišė* ‘осина’.

- 1) Фразеологизм *alksnio vinis* ‘ольховый гвоздь’ со значением *kas tenkas, nupieręs* ‘что-то плохое, зачахнувшее’ характеризует фитоним *alksnis* ‘ольха’ как признак плохо, негодного.
- 2) Для фразеологизмов (10 ФЕ) с компонентом-фитонимом *beržas* ‘берёза’ характерны следующие особенности:
 - a. *beržas* ‘берёза’ как маркер наказания, физического воздействия (7 ФЕ): *beržo košės gauti* ‘получить берёзовой каши’ — *būti nubaustam* ‘быть наказанным’, *beržo medaus duoti* ‘берёзового мёда дать’ — *nubausti, išlupti* ‘наказать, выдрать’;
 - b. *beržas* ‘берёза’ как маркер смерти (2 ФЕ): *po beržu nuvažiuoti* ‘под берёзу уехать’ — *mirti* ‘умереть’. Необходимо отметить, что фразеологизм допускает ваирование глагольного компонента;
 - c. фразеологизм *kaip iš beržo iškritęs* ‘как с берёзы упал’ со значением *apie nesusigaudantį* ‘о несоображающем’ относится к уже упомянутой выше группе ФЕ с общей моделью *kaip iš + название дерева + iškritęs*.
- 3) Для фразеологизмов (3 ФЕ) с компонентами-фитонимами *drebulė, erišė* ‘осина’ характерны следующие особенности:
 - a. осина как маркер дрожания, испуга (2 ФЕ): *kaip erišės lapas* ‘как лист осины’ — *labai (bijoti)* ‘очень (боится)’;

- b. осина как маркер привязанности (1 ФЕ): *kaip velnias į epišę* ‘как чёрт на осину’ — *sakoma apie prisirišimą prie ko* ‘говорят о привязанности к кому-то’.

2.3. Выводы к Главе 2

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологизмы с компонентом-фитонимом характеризуют:

1) человека как живое существо с точки зрения:

- a. физических способностей: лит. *kaip qžuolas* ‘как дуб’, лат. *kā ozols* ‘как дуб’;
- b. внешности: лит. *nors į kanapes statyk* ‘хоть в коноплю ставь’;
- c. душевного и физического состояния: *vienoje plūdėje* ‘в одном рдесте’;
- d. здоровья: : лит. *kaip ridikas* ‘как редька’, лат. *vesels kā rutks*
- e. оппозиции жизнь/смерть (характерно для литовского языка): лит. *kadagys traukia* ‘можжевельник тянет’;

2) человека как социальное существо с точки зрения:

- a. отношений с другими людьми: *vieną riešutą krimsti* ‘один орех грызть’;
- b. материального положения: лит. *žirnių sriuba pavaišinti* ‘гороховым супом угостить’

3) абстрактные понятия:

- a. количество: лит. *aguonos grūdelis* ‘маковое зёрнышко’
- b. размер: лит. *kaip puų pėdas* ‘как бобовая стопа (бобовый след)’
- c. время: лит. *rugiai nebyra* ‘рожь не сыплется’;

4) другие растения с точки зрения:

a. роста: лат. *kā kāposti* ‘как капуста’

b. использования (характерно только для литовского языка): лит.
rugių kraujas ‘ржаная кровь’.

Глава 3. Зоонимы

Представляется необходимым разделить зоонимы на более мелкие группы для удобства описания и выявления специфических для каждой лексико-семантической группы особенностей. Общая схема, в основе первого этапа которой классификации лежит научная классификация биологических видов, кажется наиболее оптимальной в следующем виде:

1. Звери
 - 1.1. Домашние
 - 1.2. Дикие
2. Птицы
 - 2.1. Домашние
 - 2.2. Дикие
3. Насекомые
4. Земноводные
5. Пресмыкающиеся
6. Рыбы

В рамках данной работы мы охарактеризуем только зоонимы первой группы, поскольку они наиболее ярко демонстрируют сходства и различия между выбранными языками.

3.1. Звери

3.1.1. Домашние

Основным смысловым противопоставлением стержневых компонентов в фразеологизмах является оппозиция по признаку самец/самка взрослое животное/детёныш [Eigirdienė 2016: с. 98, с. 204]. Это наблюдается не во всех

фразеологизмах, и сначала представляется обоснованным проанализировать те группы ФЕ, в которых этот принцип соблюдается.

Сопоставим группу фразеологизмов со стержневым компонентом «конь» в литовском и латышском языках. Для литовского языка это будут фразеологизмы с лексемами *arklys* ‘лошадь, конь’ (45 ФЕ), *žirgas* ‘конь’ (12 ФЕ), *kumelys* ‘жеребец’, *kumelė* ‘кобыла’, *kumeliukas* ‘жеребёнок’, для латышского — *zirgs* ‘конь’, *kēve* ‘кобыла’, *kumelš* ‘конь, жеребёнок’, *zirdziņš* ‘лошадка’. Выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. конь = большой: лит. *kaip arklys* ‘как конь’ — *apie didelį* ‘о большом’ лат. *aug kā zirgs* ‘растёт как конь’ — *saka, ja bērns ātri aug un pieņemas svarā* ‘говорят, если ребёнок быстро растёт и набирает вес’. Следует отметить, что в литовском языке это характерно и для лексемы *kumelė* ‘кобыла’, тогда как в латышском лексема *kēve* ‘кобыла’ такой семантической ассоциацией не обладает;
- b. конь = здоровый, сильный: лит. *kaip arklys* ‘как конь’ — *sveikas, stiprus* ‘здоровый, сильный’, лат. *stiprs kā zirgs* ‘сильный как конь’ — *ļoti stiprs* ‘очень сильный’, *vesels kā zirgs* ‘здоровый как конь’ — *pavisam vesels* ‘очень здоровый’;
- c. конь = тяжело работает: лит. *kaip juodas arklys* ‘как чёрный конь’ — *apie sunkiai dirbanti* ‘о тяжело работающем’, лат. *zirga darbs* ‘конская работа’ — *ļoti smags darbs* ‘очень тяжёлая работа’;
- d. конь = много ест: лит. *kaip arklys* ‘как конь’ — *daug valgo* ‘много ест’, лат. *ēd kā zirgs* ‘ест как конь’ — *ļoti daudz ēst* ‘очень много ест’;

- e. конь = глупый: лит. *arklio galva* ‘лошадиная голова’ — *kvailys* ‘глупец’, лат. *nevar iestāstīt kā zirgam pasaku* ‘нельзя объяснить, как коню сказку’ — *saka, ja ir grūti, gandrīz neiespējami kādam kaut ko ieskaidrot* ‘говорят, если сложно, почти невозможно кому-то что-то объяснить’;
- f. кобыла — маркер отсутствия близкородственных отношений: лит. *nuo baltosios kumelės* ‘от белой кобылы’ — *ne giminės ar tolimi giminės* ‘не родственники или дальние родственники’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. конь как маркер счастья, удовлетворения: *kaip ant šimto arklių* ‘как на ста конях’ — *labai patenkintas* ‘очень довольный’;
- b. конь как маркер некрасивой внешности: *arkliai baidosi* ‘кони пугаются’ — *labai negražus* ‘очень некрасивый’;
- c. конь как маркер опытности: *ant arklio ir po arklių buvęs* ‘под конём и на коне побывал’ — *daug visko patyręs* ‘много всего испытал’;
- d. кобыла как маркер помятости: *kaip iš kumelės uodegos ištrauktas* ‘как из кобыльевого хвоста вытащен’ — *labai suglamžytas* ‘очень мятый’.

3) Характерные для латышского языка:

- a. конь как маркер легкомысленности: *kumēļa prāts* ‘разум жеребца’ — *jaunības bezbēdība, vieglprātība* ‘беспечность, ветреность юности’;
- b. конь как маркер свободы: *brīvs kā kumēļš* ‘свободный как жеребец’;
- c. лошадь как маркер громкого смеха: *zviedz kā zirgs* ‘ржёт как конь’ — *ļoti skaļi, nevaldāmi smieties* ‘очень громко, неудержимо смеётся’. Интересно, что лексический вариант этого

фразеологизма с лексемой *kēve* ‘кобыла’ используется в отношении женщины.

Сопоставим группу фразеологизмов со стержневым компонентом «баран» в литовском и латышском языках. Для литовского языка это будут фразеологизмы с лексемами *avis* ‘овца’, *avelė* ‘овечка’, *avinas* ‘баран’, *ėriukas* ‘ягненок’. Для латышского языка это будут лексемы *auns* ‘баран’, *aita* ‘овца’, *jērs* ‘ягненок’, *avs* ‘овца, агнец’. Выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. баран = глупый (характерно для всех упомянутых лексем): лит. *avelės galva* ‘овечья голова’ — *kvailys, žioplų* ‘глупец, ротозей’, эквивалентный латышский фразеологизм — *auna galva* ‘баранья голова’;
- b. овца = тихая, скромная: лит. *kaip avinėlis* ‘как барашек’ — *apie ramų, tylų, lėtą* ‘о спокойном, тихом, медленном’, лат. *kā jērs* ‘как ягненок’ — *saka, ja kāds ir ļoti rāms, lēns, padevīgs, paklausīgs* ‘говорят, если кто-то очень спокойный, медленный, покорный, послушный’;
- c. ягненок как маркер невинности: лит. *ėriuko kailiu prisidengti* ‘шкурой ягненка прикрыться’ — *rodytis švelniam* ‘казаться святым’, лат. *nevainīgs kā jērs* ‘невинен как ягненок’ — *pavisam bez vainas* ‘совсем без вины’;
- d. овца как маркер выгоды: лит. *avelę kirpti* ‘овечку стричь’ — *turėti naudos* ‘иметь выгоду’, лат. *cīrpt kā auni* ‘стричь как барана’ — *apkrāpt, izmantot* ‘обманывать, пользоваться’

2) Характерные для литовского языка:

- a. овцы как маркер неорганизованности, беспорядка: *kaip avių banda* ‘как стадо овец’ — *pakrikęs, be tvarkos* ‘расеянный, без порядка’;

- b. овца как маркер чего-то плохого: *avies dvasia* ‘овечья душа’ — *kas niekam tikęs* ‘кто ни на что не годен’;
- c. овца как маркер неряшливости: *avių sumintas* ‘овцами помятый’ — *nešvarus* ‘нечистый’.

3) Характерные для латышского языка:

- a. овца = трусость: *jēra dvēsele* ‘душа ягнёнка’ — *saka, jā cilvēks ir ļoti bailīgs, glēvs* ‘говорят, если человек очень трусливый, бесхарактерный’;
- b. баран = упрямство: *kā auns* ‘как баран’ — *ļoti ietiepīgs, stūrgalvīgs* ‘очень строптивый упрямый’.

Сопоставим группу фразеологизмов со стержневым компонентом «бык» в литовском и латышском языках. Для литовского языка в эту группу войдут следующие лексемы: *bulius* ‘бык’, *jautis* ‘бык’, *karvė* ‘корова’, *telių* ‘телёнок’, *teliukas* ‘телёнок’, *veršis* ‘телёнок’. Для латышского — *vērsis* ‘бык’, *govs* ‘корова’, *teļš* ‘телёнок’. Выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. бык как маркер силы: лит. *jaučio sprandas* ‘бычья шея’ — *stipruolis* ‘силач’, лат. *kā vērsis* ‘как бык’ — *ļoti stiprs* ‘очень сильный’;
- b. и в литовском, и в латышском языке есть эквивалентные фразеологизмы лит. *jautį imti už ragų* ‘брать быка за рога’ — лат. *ķerties vērsiem pie ragiem* ‘брать быка за рога’ со значением «энергично приступить к делу»;
- c. корова как маркер выгоды: лит. *melžiama karvė* ‘дойная корова’ — *nuolatinis, pragyvenimo pelnymosi šaltinis* ‘постоянный источник заработка на жизнь’, его латышский эквивалент — *slaucama govys* ‘дойная корова’;

- d. телёнок как маркер пьянства: лит. *kaip veršis* ‘как телёнок’ — *apie smarkiai geriantį* ‘о сильно пьющем’, латышский эквивалентный фразеологизм — *kā teļš* ‘как телёнок’;
- e. телёнок как маркер материальных ценностей: лит. *aukso veršis* ‘золотой телёнок’ — *materialinės vertybės* ‘материальные ценности’, латышский эквивалентный фразеологизм — *zelta teļš* ‘золотой телёнок’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. бык как маркер злости: *jaučio akimis* ‘бычьими глазами’ — *piktai (pasžiūrėti)* ‘зло (посмотреть)’;
- b. бык как маркер упорной работы: *kaip juoda jautis* ‘как чёрный бык’ — *apie daug ir sunkiai dirbanti* ‘о том, кто много и тяжело работает’;
- c. бык = много ест: *kaip jautis* ‘как бык’ — *apie daug valganti* ‘о том, кто много ест’;
- d. корова как маркер плохого поведения: *karvių takais eiti* ‘коровьими тропами идти’ — *blogai elgtis* ‘плохо себя вести’;
- e. корова как маркер неуклюжести: *kaip karvė* ‘как корова’ — *apie didelį, nerangų* ‘о большом, неуклюжем’;
- f. телёнок как маркер глупости, наивности: *veršis neraliuotas* ‘телёнок неотёсанный’ — *liurbis, mulkis* ‘болван, глупец’.

3) Характерные для латышского языка:

- a. бык как маркер громкости: *kā versis* ‘как бык’ — *saka, ja kāds ļoti skaļi, pilnā balsī raud, kliež, dzied* ‘говорят, если кто-то очень громко, в полный голос плачет, кричит, поёт’;
- b. корова как маркер лени: *slinka kā govs* ‘ленивая как корова’ — *ļoti slinka* ‘очень ленивая’;

- с. телёнок как маркер бесхарактерности: *kā telš* ‘как телёнок’ — *saka, ja kāds ir glēvs, ļauj ar sevi darīt, ko vien citi grib* ‘говорят, если кто-то слабохарактерный, позволяет делать с собой всё, что хотят другие’.

Сопоставим группу фразеологизмов со стержневым компонентом «козёл» в литовском и латышском языках. Для литовского языка это будут фразеологизмы с лексемами *ciba* ‘коза’, *cibė* ‘коза’, *ožys* ‘козёл’, *ožiukas* ‘козлёнок’, *ožka* ‘коза’. Для латышского языка — *āzis* ‘козёл’, *kaza* ‘коза’. Выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- а. козёл как маркер упрямства: лит. *ožius varinėti* ‘козлов гонять’ — *būti užsispyrusiam, ožiutis* ‘быть упрямым, упрямиться’, лат. *kā āzis* ‘как козёл’ — *saka, ja kāds ir ļoti stūrgalvīgs, ietiepīgs* ‘говорят, если кто-то упрямый, строптивый’;
- б. козёл как маркер тошноты: лит. *ožius lupti* ‘козлов драть’ — *vemti* ‘тошнить’, латышский эквивалентный фразеологизм — *dīrāt āžus* ‘козлов драть’;
- с. козёл как маркер беспокойства, дискомфорта: лит. *ožiai mušasi galvoje* ‘козлы дерутся в голове’ — *sakoma skaudant galvą pagiriomis* ‘говорят, когда голова болит с похмелья’, лат. *āži badās ap dūšu* ‘козлы бодаются на душе’ — *saka, ja kāds izjūt rūpes, šaubas, nemieru* ‘говорят, если кто-то испытывает беспокойство, сомнения, тревогу’.

2) Характерные для литовского языка:

- а. коза как маркер вины: *ožkos nekaltybė* ‘козья невинность’ — *turėti būti kaltam* ‘должен быть виновен’;

- b. коза как маркер глупости, рассеянности: *kaip ožka ant vandenio* ‘как коза на воде’ — *apie nieko neišmanantį* ‘о ничего не понимающем’;
- c. коза как маркер негодности: *Dievo ožka* ‘божья коза’ — *kas niekam tikęs* ‘кто ни на что не годен’;
- d. козёл как маркер греховности: *ožį vesti* ‘козла вести’ — *eiti išpažinties* ‘идти на исповедь’;
- e. козёл как маркер бесполезности: *kaip iš žilo ožio* ‘как от седого козла’ — *apie naudos neduodantį* ‘о том, кто (что) не приносит пользу’.

3) Характерные для латышского языка:

- a. козёл как маркер безответственности: *iecelt āzi par dārznieku* ‘назначать козла садовником’ — *uzticēt atbildīgu pienākumu neprāšam* ‘доверить важную обязанности неучу’;
- b. козёл = худой: *kā āža mugura* ‘как козлиная спина’ — *ļoti šaurs, smails* ‘очень узкий, острый’;
- c. козёл как маркер плохого: *āža kāja* ‘козья нога’ — *negatīva iezīme, ka vēlas noslēpt, bet kas tomēr atklājas* ‘негативная черта, которую хотят спрятать, но которая всегда открывается’;
- d. коза = легкомысленная: *gaisa kaza* ‘воздушная коза’ — *saka par vieglprātīgu, trakulīgu sievieti* ‘говорят о легкомысленно, бесшабашной женщине’.

Сопоставим группу фразеологизмов со стержневым компонентом «свинья» в литовском и латышском языках. Для литовского языка в эту группу войдут лексемы *kiaulė* ‘свинья’, *kuilys* ‘хрюк’, *tekis* ‘хрюк’, *meitėlis* ‘боров’, *paršas* ‘поросёнок’, для латышского — *cūka* ‘свинья’, *vepris* ‘боров’ *sivēns* ‘поросёнок’. Выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков

- a. свинья как маркер хорошего сна: лит. *kiaulės miegu* ‘свинным сном’ *kietai (miega)* ‘крепко (спит)’, лат. *miega cūka* ‘сонная свинья (*свинья сна)’ — *liels gulētājs* ‘большой соня’;
- b. свинья как маркер беспорядка, неряшливости (относится ко всем лексемам): лит. *kiaulių kinis* ‘свиной хлев’ — *didelė netvarka* ‘большой беспорядок’, лат. *kā cūku rakumi* ‘как свиньями изрыто’ — *ļoti nekārtīgs, nesakopts* ‘очень неряшливый, неприбранный’;
- c. ,боров = толстый, много ест (относится ко всем лексемам данной группы): лит. *kaip meitėlis* ‘как боров’ — *nusipenėjęs, riebus* ‘откормленный, жирный’, лат. *kā vepris* ‘как боров’ — *saka par resnu cilvēku* ‘говорят о толстом человеке’;
- d. свинья как маркер пьянства: лит. *kaip kiaulė* ‘как свинья’ — *apie girtą* ‘о пьяном’; латышский эквивалентный фразеологизм *kā cūka* ‘как свинья’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. свинья = бесстыдный: *kaip kiaulė* ‘как свинья’ — *apie begėdį* ‘о бесстыднике’;
- b. свинья = имущество, хозяйство: *kiaules skaityti* ‘свиней считать’ — *apžiūrėti būsimą vyro ūkį* ‘осмотреть хозяйство будущего мужа’;
- c. боров = любит ходить в гости (отрицательная коннотация): *kiemo kuilys* ‘дворовый хряк’ — *kas mėgsta vaikščioti pas kaimynus* ‘кому нравится ходить к соседям’;
- d. поросёнок как маркер низкого происхождения: *paršų giminės* ‘поросётам (свиньям) родственник’ — *prastuolis, menkysta* ‘простолюдин, ничтожество’;

3) Характерные для латышского языка:

- a. свинья как маркер неизвестности: *pirkt cūku maisā* ‘купить свинью в мешке’ — *pirkt kādu priekšmetu, ko pats nav redzējis, pārbaudījis* ‘купить какой-то предмет, который сам не видел, не проверял’;
- b. свинья как маркер внезапного успеха: *cūkas laime* ‘свиное счастье’ — *negaidīta veiksmē* ‘неожиданный успех’;
- c. свинья = тот, кто не способен оценить: *kaisīt pērles cūkām priekšā* ‘сыпать бисер перед свиньями’ — *dot iespēju gūt, iepazīt ko labu, skaistu, vērtīgu kādam, kas nav tā cienīgs, nespēj to nevērtēt* ‘давать возможность получить, узнать что-то хорошее, красивое, ценное тому, кто этого не достоин, не может оценить’;
- d. боров = ленивый: *kā vepris* ‘как боров’ — *saka, paužot negatīvu attieksmi pret slinku cilvēku* ‘гооврят, выражая негативное отношение к ленивому человеку’.

Таким образом, мы рассмотрели группы фразеологизмов, в которых представлены оппозиции про признаку самец/самка взрослое животное/детёныш. Следующая группа — фразеологизмы, в которых есть только оппозиция про признаку самец/самка.

Сопоставим фразеологизмы со стержневым компонентом «кот» в литовском и латышском языках. Для литовского языка в это будут фразеологизмы с лексемами *katė* ‘кошка’, *katinas* ‘кот’, для латышского — *kaķis* ‘кошка’, *runcis* ‘кот’. В ходе анализа выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. кошка как маркер ничтожности, бесполезности, отсутствия ценности: лит. *katės kailiuko nenupirksi* ‘кошачьей шкурки не купишь’ — *nieko nevertas* ‘ничего не стоит’, лит. *katės uodega* ‘кошачий хвост’ — *menkniekis* ‘пустяк’, лат. *kaķis var uz astes*

aiznest ‘кошка на хвосте может унести’ — *ļoti niecīgs, nepietiekams, nevērtīgs* ‘очень ничтожный, недостаточный, малоценный’;

- b. кот как маркер удобной, хорошей жизни: лит. *katino dienos* ‘кошачьи дни’ — *patogus, lengvas gyvenimas* ‘удобная, лёгкая жизнь’, лат. *kā runcis* (с *dzīvot*) ‘как кот (с глаголом *жить*)’ — *mierīgi, omulīgi, ļoti labi* ‘спокойно, удобно, очень хорошо’.

2) Характерные для литовского языка.

- a. кошка как маркер долгой жизни: *katės amžius* ‘кошачий век’ — *ilgas gyvenimas* ‘долгая жизнь’;
- b. кошка как маркер плохого звука: *kačių muzika* ‘кошачья музыка’ — *prastas grojimas* ‘плохая игра’;
- c. кошка, кот как маркер малого количества: *kiek katės priverkta* ‘как кошка наплакала’ — *labai mažai* ‘очень мало’;
- d. кошка, кот = ласковый: *kaip katė* ‘как кошка’ — *apie staiga užpykstantį* ‘о том, кто может быстро разозлиться’;
- e. кошка = раздражительный: *kaip katė* ‘как кошка’ — *apie mažai valgantį* ‘о том, кто мало ест’;
- f. кошка = мало ест: *kaip katė* ‘как кошка’ — *apie labai mažai* ‘об очень нежном’;
- g. кошка как маркер плохой работы: *kaip katė verkia* ‘как кошка плачет’ — *apie prastai dirbantį* ‘о том, кто плохо работает’;
- h. кошка как маркер сонливости: *akys mato katę* ‘глаза кота видят’ — *norisi miego* ‘хочется спать’.

3) Характерные для латышского языка:

- a. кошка как маркер короткой жизни: *kaķa mūžs* ‘кошачья жизнь’ — *īss mūžs* ‘короткая жизнь’;

- b. кошка как марке хорошего зрения: *acis kā kaķim* ‘глаза как у кошки’ — *saka, ja ir ļoti laba redze* ‘говорят, если очень хорошее зрение’;
- c. кошка как маркер тишины, осторожности: *kā kaķis* ‘как кошка’ — *ļoti klusi, viegli, uzmanīgi* ‘очень тихо, легко, осторожно’;
- d. кошка как маркер проворности, ловкости: *kā kaķis* ‘как кошка’ — *ļoti veikli* ‘очень проворно’;
- e. кошка как маркер выносливости: *sīksta dzīvība kā kaķim saka, ja cilvēks spēj daudz izturēt, pārciest smagas slīmības* ‘говорят, если человек может многое выдержать, перенести серьезную болезнь’.

Далее рассмотрим фразеологизмы, в которых упомянутые оппозиции отсутствуют в обоих языках или в одном из языков. Сопоставим фразеологизмы со стержневым компонентом «собака» в литовском и латышском языках. Для литовского языка в это будут фразеологизмы с лексемами *ciuska* ‘собака’, *šunytis* ‘собачка, щенок’, *šuo, šuva* ‘собака’, для латышского — *suns* ‘собака’. Выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. собака как маркер каникул: лит. *šuns mėnesiai* ‘собачьи месяцы’ — *atostogos* ‘каникулы’, лат. *suņu dienas* ‘собачьи дни’ — *skolēnu vai studentu vasaras brīvdienas* ‘школьные или студенческие летние каникулы’;
- b. собака как маркер смысла: лит. *(kur) šuo pakastas* ‘(где) собака зарыта’ — *esmė* ‘суть’, синонимичный латышский фразеологизм: *tur tas suns aprakts*.
- c. собака как маркер лжи, оговора, сплетен: лит. *šuns dantys* ‘собачьи зубы’ — *liežuvinė* ‘сплетник’, лат. *kā suns* ‘как

собака’ — *saka, ja kāds nekaunīgi melo* ‘говорят, если кто-то бесстыдно врёт’;

- d. собака как маркер бессмысленности: лит. *kaip ant šuns uodegos* ‘как на собачьем хвосте’ — *beprasmiškai, veltui* ‘бессмысленно, зря’, лат. *kā suns, savu asti ķerdams* ‘как собака, которая ловит свой хвост’ — *saka par veltīgu darbošanos* ‘говорят о напрасной деятельности’;

2) Характерные для литовского языка:

- a. собака = бесстыдный: *šuns akys* ‘собачьи глаза’ — *apie neturintį gėdos* ‘о том, у кого нет стыда’;
- b. собака как маркер бедности: *šuns balso klausyti* ‘собачий голос слушать’ — *elgetauti* ‘нищенствовать’;
- c. собака как маркер неудачи: *už šunį prapulti* ‘за собаку пропасть’ — *patirti nesėkmę* ‘испытать неудачу’;
- d. собака как маркер дешевизны: *šuns kaina* ‘собачья цена’ — *menki pigiai* ‘ничтожно дешево’;
- e. собака как маркер плохого качества: *šuns kąsnis* ‘собачий кусок’ — *prastas valgis* ‘плохая еда’;
- f. собака как маркер скорости: *šuns šuoliais* ‘собачьими шагами’ — *paskubomis* ‘в спешке’;
- g. собака как маркер ссоры: *šuo nelakė kraujo* ‘собака крови не лакает’ — *apie labai susipykusius*;

3) Характерные для латышского языка:

- a. собака как маркер усталости: *kā suns* ‘как собака’ — *saka, ja kāds ir ļoti noskrējies, ir ļoti noguris* ‘говорят, если кто-то очень забегался, очень устал’;

- b. собака как маркер голода: *kā suns* ‘как собака’ — *saka, ja kāds ir ļoti izsalcis* ‘говорят, если кто-то очень голодный’;
- c. собака как маркер жестокости, злобы: *kā traks suns* ‘как бешеная собака’ — *bez žēlastības* ‘без жалости’;
- d. собака как знак скорой смерти: *kapsētas suņi rej* ‘кладбищенская собака лает’ — *saka, ja kādam paredzama drīza nāve* ‘говорят, если кому-то предсказана скорая смерть’;

Сопоставляя фразеологизмы с компонентом-зоонимом *asilas* ‘осёл’ и *ēzelis* ‘осёл’ в литовском (3 ФЕ) и латышском языке (2 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовском языке зооним *asilas* ‘осёл’ во всех трёх ФЕ отражает идею глупости: *asilo galva* ‘ослиная голова’ — *kvailas* ‘глупый’, *paskutinis asilas* ‘последний осёл’ — *visai kvailas* ‘совсем глупый’.

2) Характерные для латышского языка:

- a. осёл как маркер упрямства: *kā ēzelis* ‘как осёл’ — *saka, ja kāds ļoti tiepjas, spītējas* ‘говорят, если кто-то артачится, упрямится’;
- b. осёл как маркер тяжёлой работы: *nastu nesējs ēzelis* ‘вьючный осёл’ — *cilvēks, kam pārmērīgi daudz, ļoti smagi jāstrādā* ‘человек, которому приходится работать чрезмерно много, очень тяжело’.

Таким образом, можно сделать вывод, что одна из основных особенностей зоонимов данной группы заключается в том, что они характеризуют:

1) человека как живое существо с точки зрения:

- a. внешности: лит. *arkliai baidosi* ‘кони пугаются’;
- b. способностей: лит. *avelēs galva* ‘овечья голова’;

c. здоровья: лит. *kaip arklys* ‘как конь’

d. состояния: лат. *kā suns* ‘как собака’

2) человека как разумное существо с точки зрения:

a. характера: лат. *gausa kaza* ‘воздушная коза’;

b. чувств: лит. *kaip ant šimto arklių* ‘как на ста конях’;

3) человека как социальное существо с точки зрения:

a. отношений с другими людьми: лит. *šuo nelakė kraujo* ‘собака крови не лакает’;

b. религии: лит. *ožį vesti* ‘козла вести’;

c. происхождения: *paršų giminės* ‘поросётам (свиньям) родственник’;

d. материального положения: лит. *šuns balso klausyti* ‘собачий голос слушать’.

3.1.2. Дикie

Сопоставим зоонимы, входящие в состав литовских и латышских фразеологизмов с точки зрения их семантических ассоциаций. И в литовском, и в латышском представлены следующие лексемы, входящие в состав фразеологизмов:

Таблица 4

литовский	латышский	русский
ežys	ezis	ёж
kiškis, zuikis	zaķis	заяц
kurmis	kurmis	крот
lapė, lapinas	lapsa	лисица
liūtas	lauva	лев

meška	lācis	медведь
pelė	pele, pelīte	мышь
ūdra	ūdrs	выдра
vilkas	vilks	волк

Сопоставляя фразеологизмы с компонентом-зоонимом *ežys* ‘ёж’ и *ezis* ‘ёж’ в литовском (10 ФЕ) и латышском языке (2 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

- a. ёж как маркер медлительности: *ežio spartą turėti* ‘иметь ежину скорость’ — *būti negreitam* ‘бвть небыстрым’;
- b. ёж как маркер упрямства: *ežį pastatyti* ‘ежа поставить’ — *užsisipirti, užsiožiuoti* ‘упираться, упрямиться’;
- c. ёж как маркер раздражения, злости: *ežiu pavirsti* ‘стать ежом’ — *supykti, įniršti* ‘разозлиться, взбеситься’;

2) Характерные для латышского языка:

- a. ёж = хмурый: *kā ezis* ‘как ёж’ — *īgns, skarbs, neapmierināts* ‘хмурый, угрюмый, недовольный’;
- b. ёж как маркер закрытости: *ieraujas sevī kā ezis* ‘замкнуться в себе как ёж’ — *saka, ja kāds norobežojas no citiem, noslēdzas sevī* ‘говорят, если кто-то отгораживается от других, закрывается в себе’.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом- *kiškis, zuikis* ‘заяц’ в литовском языке (103 ФЕ) и компонентами *zaķis* ‘заяц’ в латышском языке (6 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. заяц как маркер трусости: лит. *kiškio širdis* ‘заячье сердце’ — *bailys* ‘трус’, лат. *kā zaķis* ‘как заяц’ — *ļoti bailīgs* ‘очень трусливый’;
- b. заяц = быстрый: лит. *su zuikiu*¹ ‘с зайцем’ — *greitai* ‘быстро’, лат. *kā zaķis* ‘как заяц’ — *ļoti ātri, veikli* ‘очень быстро, проворно’;
- c. заяц = чуткий: лит. *zuikio veislės* ‘заячьей породы’ — *apie budrų* ‘о бдительном, чутком’, лат. *guļ kā zaķis vaļā acīm* ‘спать как заяц с выпученными глазами’ — *saka, ja kādam ir trausls miegs* ‘говорят, если у кого-то чуткий сон’;
- d. заяц как маркер хорошего слуха: лит. *kaip kiškis* ‘как заяц’ — *apie gerai girdintį* ‘о том, кто хорошо слышит’, лат. *ausis kā zaķim* ‘уши как у зайца’ — *saka, ja kādam ir ļoti laba dzirde* ‘говорят, если у кого-то очень хороший слух’;
- e. заяц как маркер отсутствия усилий: лит. *kiškio polka* ‘заячья полька’ — *lengvas darbas* ‘лёгкая работа’, лат. *kā zaķis* ‘как заяц’ — *viegli, bez lielām pūlēm* ‘легко, без усилий’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. заяц как маркер малого количества: *zuikio ašaros* ‘заячьи слёзы’ — *ko nors labai mažai* ‘чего-то очень мало’;
- b. заяц = нежный: *kaip zuikio dvasia* ‘как заячья душа’ — *apie labai švelnų* ‘об очень нежном’;
- c. заяц как маркер беспокойства: *kiškio vietoje* ‘на месте зайца’ — *neramiai (gyventi)* ‘неспокойно (жить)’;
- d. заяц как маркер незначительности: *dėl kiškio žarnų* ‘из-за заячьих кишок’ — *dėl menkniekio* ‘из-за пустяка’;

¹ Характерно только для лексемы *zuikis* ‘заяц’.

- e. заяц как маркер нелегальности: *zuikio keliu* ‘заячьей дорогой’ — *slapta, nelegaliai* ‘тайком, нелегально’;
- f. заяц как маркер погоды: *zuikiai kera pyragus* ‘зайцы пекут пироги’ — *kyla rūkas* ‘поднимается туман’, *kiškio dvaselė* ‘заячья душа (диминутив)’ — *silpnas vėjelis* ‘слабый ветерок’.
- g. заяц как житель леса: *zuikių karalius* ‘заячий король’ — *eigulys* ‘ллесник’.

3) Характерные для латышского языка:

В фразеологизме *uz zaķa* ‘на зайце’ со значением *pavirši, nolaidīgi, neprecīzi* ‘небрежно, халатно, неточно’ заяц выступает как маркер небрежности.

Анализируя фразеологизмы с компонентом-зоонимом *kurmis* ‘крот’ и *kurmis* ‘крот’ в литовском (5 ФЕ) и латышском языке (2 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

- a. крот = работает с землёй: *žemės kurmis* ‘земляной крот’ — *žemdirbys, artojas* ‘земледелец, пахарь’;
- b. крот как маркер низкого происхождения: *žemės kurmis* ‘земляной крот’ — *prastuolis* ‘простолюдин’;
- c. крот как маркер аскетизма: *po kurmio apsigimti* ‘после крота родиться’ — *būti asketu* ‘быть аскетом’;
- d. крот = работающий: *darbo kurmis* ‘рабочий крот’ — *darbštuolis* ‘работяга’;
- e. крот как маркер отсутствия результата: *kaip kurmis urve* ‘как крот в норе’ — *apie bevaisį darbą* ‘о бесплодной работы’.

2) Характерные для латышского языка:

- a. крот как маркер нелюдимости: *kā kurmis alā* ‘как крот в норе’ — *vientuļi, nošķirti, neiteresējoties par apkārtējo pasauli* ‘одиноко, отдельно, не интересуясь окружающим миром’;
- b. крот как маркер беспорядка: *kā kurmju rakumi* ‘как кротоми изрыто’ — *ļoti nekārtīgs, nesakopts* ‘очень неряшливый, неприбранный’. Следует отметить, что выше был упомянут лексический вариант данной ФЕ: *kā cūku rakumi* ‘как свињьями изрыто’.

Анализируя фразеологизмы с компонентами-зоонимами *lapē* ‘лисица’ (19 ФЕ), *lapinas* ‘лис’ (1 ФЕ) в литовском языке и *lapsa* ‘лисица’ и латышском языке (1 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском, так и в латышском языке *lapē* ‘лисица’, *lapinas* ‘лис’ и *lapsa* ‘лисица’ — маркер хитрости: лит. *sena lapē* ‘старая лиса’ — *suktas žmogus* ‘хитрый человек’, *senas lapinas* ‘старый лис’ — *suktas žmogus* ‘хитрый человек’, *viltīgs kā lapsa* ‘хитрый как лиса’ — *ļoti viltīgs* ‘очень хитрый’.

2) Характерные для литовского языка:

- a. лисица как маркер нежности: *kaip laputė* ‘как лиса (дими́нутив)’ — *apie meilę* ‘о нежном’;
- b. лисица как маркер погоды: *lapė užkūrė pirtį* ‘лисица затопила избу’ — *kyla rūkas* ‘поднимается туман’;
- c. лисица как маркер негодности: *ant lapių išvež* ‘на лисице вывезет’ — *apie niekam tikusį* ‘о то, что ни на что не годится’.

. Сопоставляя фразеологизмы с компонентами *liūtas* ‘лев’ в литовском языке (1 ФЕ) и *lauva* ‘лев’ (4 ФЕ) и латышском языке (1 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовском языке зооним - *liūtas* ‘лев’, представленный в фразеологизме *liūto dalis* ‘львиная доля’ со значением *beveik viską* ‘почти всё’, характеризуется как маркер относительно большого количества.

2) Характерные для латышского языка:

- a. лев как маркер отваги и силы: *kā lauva* ‘как лев’ — *ļoti drosmīgs, ar lielu intensitāti, enerģiju, ļoti stiprs* ‘очень отважный, с большой интенсивностью, энергией, очень сильный’;
- b. лев как маркер жестокости: *kā lauva* ‘как лев’ — *nikni, dusmīgi* ‘зло, сердито’;
- c. лев как маркер опасности: *raustīt lauvu aiz ūsām* ‘дёргать льва за усы’ — *izaicināt, kaitināt* ‘бросать вызов, сердить’;
- d. лев как маркер светскости: *salona lauva* ‘салонный лев’ — *elegants virietis. kas gūst lielus panākumus sabiedrībā* ‘элегантный мужчина, который имеет большой успех в обществе’.

Сопоставляя фразеологизмы с компонентом-зоонимом *meška* ‘медведь’ в литовском языке (36 ФЕ) и *lācis* ‘медведь’ в латышском языке (6 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. медведь как маркер беспорядка: лит. *meška gali vartytis* ‘медведь может ворочаться’ — *baisi netvarka* ‘страшный беспорядок’, лат. *kā lācis* ‘как медведь’ — *saka, ja kāds ir ļoti netīrs, nekartīgs* ‘говорят, если кто-то очень грязный, неаккуратный’;
- b. медведь = большой: лит. *kaip meška* ‘как медведь’ — *apie labai riebus* ‘об очень жирном’, лат. *kā lācis* ‘как медведь’ — *ļoti stiprs, spēcīgs, liels* ‘очень сильный, могучий, большой’;
- c. медведь = неуклюжий: лит. *kaip meška* ‘как медведь’ — *apie nerangų ėjimą* ‘о неповоротливой походке’, лат. *kā lācis* ‘как

медведь' — *saka par neveiklu, lempīgu* 'говорят о неловком, неповоротливом';

2) Характерные для литовского языка:

- a. медведь как маркер Сибири: *prie baltųjų meškų* 'у белых медведей' — *Sibire* 'в Сибири';
- b. медведь = обросший: *kaip meška* 'как медведь' — *apie storai prisirengusį*;
- c. медведь = плотно одетый: *kaip meška* 'как медведь' — *apie labai apžėlusį*;
- d. медведь как маркер погоды: *meška kūrena pečių* 'медведь топит печь' — *kyla rūkas* 'поднимается туман';
- e. медведь как маркер хорошей жизни: *kaip meškos ausyje* 'как у медведя в ухе' — *gerai (gyventi)* 'хорошо (жить)'

3) Характерные для латышского языка:

- a. медведь как маркер злости: *rūs kā lācis* 'рычать как медведь' — *saka, ja kāds runā nikni, neapmierināti* 'говорят, если кто-то говорит свирепо, неспокойно';
- b. медведь как маркер нелюдимости: *kā lācis savā alā* 'как медведь в своей берлоге' — *vientuļi, noslēgti* 'одинок, закрыто';
- c. медведь — маркер крепкого сна: *lāča miegs* 'медвежий сон' — *ļoti dziļš miegs* 'очень крепкий сон'.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом-зоонимом *pelē* 'мышь' в литовском языке (20 ФЕ) и *pele* 'мышь', *pelīte* 'мышка' в латышском языке (10 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

Как в литовском, так и в латышском языке зооним *pelē* 'мышь' (*pele* 'мышь') отражает идею тишины: лит. *kaip pelė iš po šluotos* 'Как мышь из-под

метлы' — *apie tyliai išeinantį* 'о том, кто тихо выходит', лат. *kluss kā pele* 'тихий как мышь' — *loti kluss* 'очень тихий'.

2) Характерные для литовского языка:

- a. мышь как маркер бедности: *vargo pelė* 'бедная мышь' — *varguolis* 'бедняк';
- b. мышь = работающий: *darbo pelė* 'рабочая мышь' — *darbštuolis* 'трудолюб';
- c. мышь как маркер ссоры: *pelė perbėgo* 'мышь пробежала' — *susipyko* 'поссорились'.

3) Характерные для латышского языка:

- a. мышь как маркер беспокойных глаз: *peles acis* 'мышьиные глаза' — *mažās, šaudīgas acis* 'маленькие, бегающие глаза';
- b. мышь как маркер хорошего слуха: *peles ausis* 'мышьиные уши' — *loti laba dzirde* 'очень хороший слух';
- c. мышь как маркер хорошей жизни: *peles ausī* 'у мыши в ухе' — *loti labi, bez rūpēm (dzīvot)* 'очень хорошо, без забот (жить)';
- d. мышь как маркер хорошего сна: *peles ausī* 'у мыши в ухе' — *saldā miegā, netraucēti* 'в сладком сне, без помех'.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом-зоонимом *ūdra* 'выдра' в литовском языке (1 ФЕ) и *ūdrs* 'выдра' в латышском языке (1 ФЕ) соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для литовского языка:

В литовском языке зооним *ūdra* 'выдра' в фразеологизме *ūdra nutverti* 'выдру схватить' — *ką nors laimėti* 'что-то выиграть' метафорически обозначает приз и характеризуется как некая ценность.

2) Характерные для латышского языка:

В латышском языке стержневой компонент *ūdrs* ‘выдра’ внутри фразеологизма *slapjš kā udrs* ‘мокрый как выдра’ со значением *ļoti slapjš, nosvīdis* ‘очень мокрый потный’ характеризует зооним *ūdrs* ‘выдра’ как маркер влажности.

Рассматривая фразеологизмы с компонентом-зоонимом *vilkas* ‘волк’ в литовском языке и *vilks* ‘волк’ в латышском языке соответственно, выделяем следующие особенности:

1) Характерные для обоих языков:

- a. волк как маркер голода: лит. *vilką suėsti* ‘волка съесть’ — *apie labai alkaną* ‘об очень голодном’, лат. *kā vilks* ‘как волк’ — *ļoti izsalcis* ‘очень голодный’;
- b. волк как маркер злобы: лит. *vilko dantys nasruose* ‘волчьи зубы в пасти’ — *piktas* ‘злой’, лат. *kā vilks* ‘как волк’ — *nikns, plēsonīgs, naidīgs* ‘злой, хищный, враждебный’;
- c. волк = плохой человек: лит. *vilkas avies kailyje* ‘волк в овечьей шкуре’ — *apie užsimaskavusį nedorėlį* ‘о замаскировавшемся безнравственном человеке’, латышский эквивалентный фразеологизм — *vilks avju drānās*;
- d. волк как маркер неизвестности: лит. *vilkas žino* ‘волк знает’ — *nežinia* ‘неизвестно’, латышский эквивалент — *vilks zina*.
- e. волк = опытный, умный: лит. *senas vilkas* ‘старый волк’ — *daug patyręs, gudrus žmogus* ‘много переживший, умный человек’, латышский эквивалент: *vēcs vilks*.

2) Характерные для литовского языка:

- a. волк как маркер пьянства: *vilko gerklė* ‘волчья глотка’ — *girtuoklis* ‘пьяница’;

- b. волк как маркер неповоротливости: *vilkų giminės* ‘волчий родственник’ — *apie nerangų, rambų* ‘о неповоротливом, неуклюжем’;
- c. волк как маркер непокорности: *į vilko kaulą suaugo* ‘в волчью кость вырос’ — *apie neklusnų žmogų* ‘о непослушном человеке’;
- d. волк = мстительный: *vilko kraują turėti* ‘волчью кровь иметь’ — *būti kerštingam* ‘быть мстительным’;
- e. волк как маркер лени: *vilku duriamas* ‘волком уколотый’ — *apie tinginį* ‘о лентяе’;
- f. волк = одинокий: *kaip vilkas* ‘как волк’ — *apie vienišį, viengungį* ‘об одиноким, холостом’;

3) Характерные для латышского языка:

- a. волк как маркер громкости: *gaudo kā vilks* ‘воет как волк’ — *saka, ja kāds skaļi, stiepti vaimanā* ‘говорят, если кто-то громко, протяжно кричит’;
- b. волк как отражение концепта опасности: *skriet vilkam rīklē* ‘бежать волку в пасть’ — *pakļaut sevi briesmām* ‘подвергнуть себя опасности’.

Таким образом, можно сделать вывод, что одна из основных особенностей зоонимов данной группы заключается в том, что они характеризуют:

1) человека как живое существо с точки зрения:

- a. способностей: лит. *senas vilkas* ‘старый волк’;
- b. состояния: лат. *kā vilks* ‘как волк’;

2) человека как разумное существо с точки зрения:

- a. характера: лит. *vilko kraują turėti* ‘волчью кровь иметь’;
- b. чувств: лит. *ežiu pavirsti* ‘стать ежом’;

3) человека как социальное существо с точки зрения:

- a. отношений с другими людьми: лит. *pelė perbėgo* ‘мышь пробежала’;
- b. материального положения: лит. *vargo pelė* ‘бедная мышь’;

4) погоду (характерно только для литовских фразеологизмов): *zuikiai kepa pyragus* ‘зайцы пекут пироги’;

3.2. Вывод к Главе 3

Необходимо отметить, что как в литовском, так и в латышском языке основная особенность зоонимов заключается в том, что они характеризуют людей по разным параметрам. Лексемы, относящиеся к лексико-семантической группе «домашние», отличаются тем, что характеризуют человека по внешности и по религии. Любопытно, что для лексем, относящихся к группе «дикие», в литовском языке свойственно характеризовать погоду: *zuikiai kepa pyragus* ‘зайцы пекут пироги’, ни лексемы из группы «домашние», ни зоонимы латышского языка такой особенностью не обладают.

Заключение

В нашей работе особое внимание было уделено коннотативным значениям литовских и латышских фитонимов и зоонимов, которые удалось выявить путём анализа фразеологизмов, в которые упомянутые лексемы входили в качестве стречневого компонента. Важно упомянуть, что участие лексемы в словосочетаниях (и в частности — в фразеологизмах) ещё не свидетельствует о закреплении признака, но говорит о наличии ряда сем, на основе которых образовались фразеологизмы. Следовательно, необходимо было выявить этот ряд сем на основе фразеологизмов и определить, насколько эти семы соответствуют друг другу в литовском и латышском языках.

Итак, из названных задач были выполнены следующие:

- 1) были рассмотрены литовские и латышские фразеологизмы с фитонимами и зоонимами. Общий объём материала — более двух тысяч фразеологических единиц;
- 2) были выявлены коннотативные значения, а точнее — ряды сем, характерные для каждого из проанализированных фитонимов и зоонимов в каждом из языков;
- 3) были выявлены универсальные для литовского и латышского языка семы, характерные для рассмотренных фитонимов и зоонимов, а также были определены специфические для каждого из языков скрытые коннотации.

Основное место в работе занимает описательный и описательный методы, поскольку было решено рассматривать лексемы отдельно для детального анализа присущих им семантических ассоциаций.

Наблюдения, сделанные в ходе работы могут стать основой для дальнейшего исследования. Не менее актуальным будет анализ других зоонимов, которые не удалось рассмотреть в рамках данной работы, а также

рассмотрение ФЕ в диахроническом аспекте и с точки зрения лингвокультурологических контактов.

Наибольшую сложность в процессе исследования представляла работа с большим объёмом материала двух разных языков.

Литература

Источники

FŽ — Frazelogijos žodynas / red. J. Paulauskas, Kaunas, 2001.

LKV — Latviešu frazeoloģijas vārdnīca / red. A. Laua, Rīga, 2000.

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas (t. I-XX, 1941 – 2002): elektroninis variantas, Lietuvių kalbos institutas, 2013.

Научная литература

Варбот, Журавлев 1998 — Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Москва, 1988.

Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977.

Гишкаева 2012 — Л. Н. Гишкаева. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка. Москва, 2012.

Каменская 2007 — В. М. Каменская. Особенности стержневых компонентов зооморфных фразеологизмов в испанском и русском языках // Вестник ВГУ. 2007, № 2, (ч. 2) — с 89 – 92.

Козлова 2003 — Т. В. Козлова. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. Москва, 2003.

Копыленко, Попова, 1978 — М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.

Ларин 1977 — Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. Москва, 1977.

- Лясота 1984 — Ю. Л. Лясота. Английская зоосемия. Владивосток, 1984.
- Мокиенко 1980 — В. М. Мокиенко. Славянская фразеология. Москва, 1980.
- Мокиенко 2005 — В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и выражений. Санкт-Петербург, 2005.
- Мокиенко 2012 — В. М. Мокиенко. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2012, № 2(1). — С. 100 – 109.
- Москаленко 2015 — А. В. Москаленко. Концепт «птица» в английской фразеологической картине мира. Санкт-Петербург, 2015.
- Подольская 1978 — Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. Москва, 1978.
- Солнцева 2004 — Н. В. Солнцева. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте. Омск, 2004.
- Солодуб 2002 — Ю. Л. Солодуб. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. Москва, 2002.
- Телия 1988 — В. Н. Телия. Метафора в языке и тексте. Москва, 1988.
- Телия 1996 — В. Н. Телия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.
- Шанский 1972 — Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. Москва, 1972.
- Шведова 2002 — Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой, Москва, 2002.
- Cowie 1998 — A. P. Cowie. Phraseology. Theory, analysis and applications. New York, 1998.
- Eigirdienė 2016 — D. Eigirdienė. Lietuvių ir rusų kalbų zooniminė frazeologija. Kaunas, 2016.

- Gudavičius 2000 — A. Gudavičius. Etnolingvistika. Šiauliai, 2000.
- Jasiūnaitė 2011 — B. Jasiūnaitė. Velnio pavadinimai pagal gyvenamąją vietą lietuvių tarmėse ir tautosakoje // Baltistica XLVI (1), 2011 — C. 87–106
- Lipskienė 1979 — J. Lipskienė. Lietuvių kalbos somatiniai posakiai. Vilnius, 1979
- Lukminienė 2005 — R. Lukminienė. Kėdainiečių Užgavėnės: kaladės rišimas bergždiniais // Šiaurės Atėnai, 2005. — C. 10
- Paulauskas 1995 — J. Sisteminiis lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1995.
- Rosinienė 1990 — G. Rosinienė. Kodėl «raudonas kaip vežys»? Vilnius, 1990.

Приложение

Таблица 1

ЛИТОВСКИЙ	латышский	русский
dagys	dadzis	чертополох
dilgėlė; dilgynė;	natre	крапива
drignė	drīgenes	белена
nendrė	niedre	тростник
ramulė; ramulis; ramunis	maurs	ромашка
smilga	smilga	полевица
velėna	velēna	дёрн

Таблица 2

ЛИТОВСКИЙ	латышский	русский
lauras	lauri	лавр
obelis, obelė	ābele	яблоня
obuolys	ābols	яблоко
riešutas	rieksts	орех
slyva	plūme	слива
rožė	roze	роза

Таблица 3

ЛИТОВСКИЙ	ЛАТЫШСКИЙ	РУССКИЙ
ažuolas	ozols	дуб
karklas	kārklis	ива
pušė	priede	сосна
verba	pūpols	верба

Таблица 4

ЛИТОВСКИЙ	ЛАТЫШСКИЙ	РУССКИЙ
ežys	ezis	ёж
kiškis, zuikis	zaķis	заяц
kurmis	kurmis	крот
lapė, lapinas	lapsa	лисица
liūtas	lauva	лев
meška	lācis	медведь
pelė	pele, pelīte	мышь
ūdra	ūdrs	выдра
vilkas	vilks	волк